

Алексей МАХРОВ Борис ОРЛОВ

Инопланетное ВТОРЖЕНИЕ

Битва за Россию

**Сергей Ким
Борис Орлов
Олег Никитин
Милослав Князев
Алексей Махров
Евгений Плотников**

**Инопланетное вторжение:
Битва за Россию (сборник)**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2814865

*Инопланетное вторжение: Битва за Россию: Якута: Эксмо; Москва;
2011*

ISBN 978-5-699-48207-8

Аннотация

С прошлого века самым масштабным и кассовым фильмом о нашествии инопланетян считался «День независимости». Теперь на смену ему пришел новый фантастический блокбастер с колоссальным бюджетом и грандиозными боевыми сценами «Инопланетное вторжение: Битва за Лос-Анджелес».

Но мы-то живем не в Америке, и нас куда больше волнует судьба собственной страны – что, если полем боя с космическими пришельцами станет Россия?

Новый суперпроект о войне миров! Российская армия против инопланетного нашествия! Истребительная авиация против «летающих тарелок»! ПВО против НЛО! Русские партизаны против космических карателей! У американцев есть День независимости – а у нас День Победы! Что русскому хорошо, то прищельцу смерть!

Содержание

Борис Орлов	5
Олег Никитин	55
Конец ознакомительного фрагмента.	94

А. Махров, Б. Орлов и др. Инопланетное вторжение: Битва за Россию

**Борис Орлов
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!**

– ...Сзади! – истошный вопль заставил меня броситься на землю и откатиться в сторону.

И вовремя! Кусок бывшей проезжей части с остатками асфальта, на котором я только что стоял, испарился, выплюнув в хмурое дождливое небо клуб сероватого дыма.

Из развалин дома, который не так чтобы и давно был красивой многоэтажкой, ударили выстрелы. Ухнуло, зашипело, и в небо рванулась ракета ПЗРК. Я невольно проводил ее взглядом. Блин! Ну откуда здесь этот проклятый «карп» взялся?! Ведь секунду назад не было его еще?!!

Выстрелы все еще гремели, и тяжелые пули ПКМ рвали «носача» на части. Он уже лишился трех ног из семи, длинное щупальце-манипулятор валялось на земле рядом с еще одним «носачом», которого выстрел «мухи» разобрал на запчасти. Третий робот бил короткими вспышками из свое-

го «носа» по развалинам, но, похоже, не мог нащупать противников. Меня он, должно быть, записал в убитые, и сбросил со счетов. Совершенно напрасно, между прочим!..

Подствольник штатной омововской «Грозы» кхакнул, и в бочине «носача» расцвел огненный цветок. Не дожидаясь ответной реакции железяки, я, длинной очередью, высадил туда же, в разрыв, весь магазин. Если повезет, то пули пробьют ослабленную гранатой бортовую броню, и «носачу» будет несладко...

Не повезло. Значит, несладко сейчас будет мне... Робот развернулся и хищно повел своим носом, определяя цель. То есть меня. Вот и отбегался лейтенант Бортников. Я не выдержал и закрыл глаза...

Выстрелила «муха», оглушительно саданул ПКМ. Странно, я все еще жив... Чуть приоткрываю один глаз... Ого! «Носач» валяется на боку и только ноги его шевелятся так, словно он идет. А классный гранатометчик в развалинах засел! С одной гранаты вышиб железной дуре гироскопическую часть. Не то чтобы там броня была какая-то особая или еще чего, а просто гироскоп у «носача» – малюсенький, точно х... то есть мозг у комара. И попасть в него с одного выстрела – задачка та еще. А гранатометчик точно туда метил, потому что напарник его из своего крупняка лупанул специально, чтоб железяку свалить. Не по ногам бил, а в борт – импульсом пуль опрокинуть. Но если гироскоп цел – это занятие бесполезное, значит, знал пулеметчик, куда бить...

– Эй, парень! – донеслось из развалин. – Ты там спать улегся, или где? Давай к нам, да поосторожнее. Железку не поломай...

Я осторожно обошел лежащего «носача» и потопал к останкам многоэтажки. Но не успел сделать и трех шагов, как тот же голос посоветовал:

– Ты пригнись и давай пошевеливайся. Сейчас «карп» с подмогой вернется – мало не покажется... – говоривший хмыкнул и вдруг отчетливо произнес: – Так, а вы чего расселись?! Мы что, за вас все должны делать? Живо, бездельники!

И навстречу мне из руин выскочили трое молодых, очень молодых парней. Таща какие-то инструменты, они метнулись к «носачу» и принялись сноровисто демонтировать боевого робота. Один ловко содрал защитную пластину и деактивировал оружие, другой принялся быстро, но аккуратно вывинчивать «нос» из «головы», при этом стараясь не повредить разъемы кабелей. Третий, судя по редким матерным замечаниям, занимался самым сложным: пытался извлечь блоки питания, попутно сортируя их по степени заряженности...

...В развалинах обнаружилась зияющая дыра, уходящая куда-то вниз. В подвал, в метро, в подземный бункер – понятия не имею, куда, но вниз – это точно. И около этой дыры мирно покуривали два мужичка, лет эдак... эдак... Вот чертовщина: у женщины определить возраст на взгляд – запро-

сто. Как ни мажься, как ни наряжайся, как ни подтягивайся, а все ж проглянут через штукатурку, девчоночьи наряды да мастерство пластического хирурга истинные года. А вот у мужчины, особенно если он в стареньком вытертом камуфляже, присыпанный пылью и известкой, на глаз определить возраст почти невозможно. Что-то среднее между двадцатью пятью и шестьюдесятью пятью. Хотя если вдуматься, то уж никак не двадцать пять. Эвон, какие зубры! Вдвоем трех «носачей» уделали и «карпа» отогнали. Пацанва – технари, их в бой, может, и вообще не пускали, или так дали пострелять, как детишкам в тире. А эти... Сразу видно – спецназ чего-нибудь или кого-то там. Поди еще и чины немаленькие. Я невольно замедлил шаг, а потом и вовсе остановился.

– Ну, и чего застыл? – поинтересовался, глубоко затягиваясь, один из мужичков, тот, что пониже ростом и – как бы это сказать? – покрепче в талии. – Решил здесь «травую прорасти»?

На всякий случай я решил представиться. Вытянулся и отрапортовал:

– Лейтенант Бортников. Второй батальон Московского ОМОНа. Был в патрулировании. Попал в засаду. Из всего патруля выжил один. Направляюсь в свое расположение.

– Да не тянись ты, лейтенант, – миролюбиво посоветовал второй, повыше и, кажется, помоложе. – Следуешь? И флаг тебе в руки. Можем проводить примерно до полпути. Нам по дороге...

Я хотел поблагодарить, но тут тот, что потолще, вдруг легко вскинул «Корд» и грозно рявкнул, обращаясь к молодым: – Живее, оболтусы! Сорок пять секунд – свернуть работы! Бегом, бегом, бегом! – потом повернулся ко мне. – Лейтенант, давай-ка в дырку, живо! Тут сейчас весело будет...

Второй быстро поднял ПЗРК, а первый уже мостился к пулемету, шипя сквозь зубы:

– Нет, мля, Леха, вот ты мне скажи: какая полудурь угадала эту Курскую дугу «Проспектом мира» назвать? Удавил бы...

Вместо ответа «Леха» поднял ПЗРК, цвиркнул сквозь зубы на кучу битого кирпича и замер, точно превратившись в статую. Первый чуть повел стволом пулемета, задранным в зенит... В этот момент мимо меня галопом промчались парни, таща на себе детали «носача». Двое мгновенно нырнули в подземелье, а третий чуть призадержался на пороге. Оглянувшись, он внезапно спросил:

– Пап, может, помочь?

Пулеметчик, не оборачиваясь, буркнул:

– Давай-давай, чеши отсюда! Брысь, недоучка, я сказал!

Помогатель нашелся...

Он еще бурчал, когда тот, кого звали Алексеем, вдруг спокойно сообщил:

– Девять часов – два «карпа».

– Работаешь по дальнему, – обозначил пулеметчик. – Пустил – ушел. Тридцать сек – дверь закрыта. Вопросы?

– Слушай, Джелат,¹ ну хоть сорок пять...

– Тридцать! Работаем, – и уже мне: – Лейтенант, мать твою! Живо в дырку!

Краем глаза я замечаю, как откуда-то, со стороны обгорелого искореженного остова Останкинской телебашни, выныривают два серебристых, похожих на каких-то рыб, «карпа». И тут же выстрел «Вербы», длинная очередь ПКМ, а потом, прямо на меня, мчится Алексей. В одной руке у него ПЗРК, а другой он цепляет меня за шкурку и, поминая нехорошими словами моих родственников, буквально впихивает меня в отверстие подземного хода. По лестнице я спустился только что не кубарем, а сзади бухали шаги Алексея и где-то грохотал пулемет.

Приземлившись и откатившись в сторону от люка, я увидел, как тяжело спрыгнувший за мной Алексей поднял что-то, мучительно напоминающее пульт от телевизора, и замер. Только губы на его побледневшем лице беззвучно шевелились, должно быть отсчитывая те самые тридцать секунд...

– Тридцать – произнес Алексей вслух. Помолчал секунду-другую, затем добавил шепотом:

– Тридцать три, тридцать четыре... И еле успел отскочить: пулеметчик со странным именем Джелат свалился ему почти что на голову. Он еще вставал на ноги, когда Алексей нажал на пульт, и по ушам со страшной силой ударил грохот взрыва. И опустилась тьма...

¹ Палач (сербск.)

– ...Лейтенант! Лейтенант! – крепкая рука трясет меня за плечо. – Летеха, млять! Не спи – замерзнешь!

По глазам бьет луч фонаря. Передо мной стоит этот, со странным именем. За ним возвышается Алексей, так и не выпустивший из рук «Вербу». Чуть в стороне переминается с ноги на ногу троица молодых.

Джелат заметил, что я открыл глаза, и повернулся к остальным:

– Так, мелкие. Ну-ка быстро помогли дяденьке-милиционеру подняться и в темпе топаем. Нечего тут высиживать.

Он одним движением бросает свой ПКМ кому-то из пареньков:

– Ну-ка, сыночка, потрудишься, а то батя умаялся, таукитайцам глаза на жопу натягивая...

Парень поймал пулемет, аккуратно пристроил его за плечом. Умоляюще посмотрел на Джелата:

– Бать, а бать?

– Чего тебе, кошмар моей старости?

– Можно я в следующий раз с тобой? А дядя Леша пусть нас прикроет...

– Куда «со мной»? С дуба рухнул? Или дуб на тебя? Мелкий, – он приобнимает парня за плечи и слегка прижимается лбом к его лбу, – ведь попрешься со мной – я только о том думать и буду, как бы с тобой чего не случилось. В результате обоих шлепнут. И толку?

– Димка, – вступает в разговор Алексей, – ну тебе для боя еще потренироваться нужно, подготовиться... И потом: случись что с тобой – кто в этом железе разбираться будет? Мы, что ли, с батей твоим? Так мы же с ним аплета² от атлета не отличим. А стринги³ – так только трусики женские знаем...

– А твоих гавриков мы даже понимаем с трудом, – подводит итог толстячок Джелат. – Кто им с человеческого на «яву» и «си-плюс-плюс»⁴ наши требования переводить будет?

После чего резво шагает в темноту. Парень, которого зовут Димкой, спешит за ним, бурча под нос что-то вроде: «Как на тропу войны – так большой, а как жениться – так ты еще маленький». Следом торопятся двое остальных пареньков, глядя на которых вспоминается слово «ботаник». Они постоянно поправляют лямки своих рюкзаков, то и дело задевают друг друга деталями «носачей», которые тащат под мышками и на плечах, а на ходу уже успевают затеять спор, в котором мне понятны только союзы и междометия, хотя говорят они по-русски. Из темноты им отвечает Димка, энергично подключившись к дискуссии...

– ...Лейтенант, двигаемся, – высокий Алексей лучом фо-

² Несамостоятельный компонент программного обеспечения, работающий в контексте другого, полновесного приложения, предназначенный для одной узкой задачи и не имеющий ценности в отрыве от базового приложения.

³ В программировании тип данных, представляющий строку символов.

⁴ Наиболее распространенные языки программирования.

наря показал на отверстие в стене. – Нам туда...

Шли мы долго. Я даже приустал. Неожиданно из темноты раздался голос Джелата:

– Привал. Война – войной, а обед – по расписанию.

Фонари осветили большое пустое пространство, на котором валялись сломанные ящики, мятые стальные бочки, сломанная мебель. И остро пахло бензином, соляркой, маслом и еще чем-то, столь же аппетитным... Подземная свалка?

В свете фонарей на один из сломанных ящиков бросили куртку, поверх нее пристроили две открытые банки, пакет с сухарями, водрузили флягу...

– Налетай!

Хотя Джелат и распоряжается, но не похоже, чтобы он был тут единоличным командиром. Не уловил я в его голосе вот таких специфических «командирских» ноток. Такое ощущение, что у них совещательное управление. Странная вообще-то компания: спецуре такая структура свойственна как... как... как танку – пуанты! Откуда же они?!

Я уже собрался задать своим спасителям этот вопрос, когда Джелат сунул мне в руки кусок сухаря с ветчиной из банки и спросил:

– ОМОН, значит? Второй батальон, стало быть, еще брыкается? И много вас уцелело, Бортников?

Много? Да я уж и не знаю... Когда три месяца назад на Москву обрушилась эта космическая беда, это вселенское безобразие, нас было много. Полный штат. За первый месяц

от батальона осталась, дай бог, половина, потом потери стали уменьшаться, но все равно – недели не проходит, чтобы кого-нибудь...

– Не очень, – исключительно содержательный ответ, но что я могу еще сказать?

– Б...! – выразительно ругнулся Джелат и, уже обращаясь к Алексею, произнес: – И как тебе это, братишка? В армии два года служить – много, а как приперло – подготовленных бойцов в месяц по полбатальона класть – нормально! Нет, единственное, за что можно спасибо сказать этим космодерастам, так это за то, что они всю нашу верхушку скурвленную накрыли.

– Неизвестно еще, – лениво отозвался Алексей. – Кенарь говорил, что они передачу какую-то перехватили. Якобы Большой Папа выступал...

– И чего он сказал? – подал голос один из «интеллектуалов».

– Да все как обычно, – и Алексей процитировал, передразнивая интонации бывшего лидера: – «...нельзя замыкаться в текущих проблемах, нельзя забывать о долгосрочных целях, приносить в жертву принципы... мы подошли к тому рубежному моменту, когда должны серьезно задуматься над всей архитектурой глобальной безопасности... когда мы избавимся от пренебрежения международным правом, то ситуация может измениться...» и прочее бла-бла-бла.

– Фигня, – авторитетно заявил Дмитрий, – мы с ребята-

ми эту речь на ящиках прогнали. Нарезка это из старых записей. Совпадение по спектру колебаний – девяносто шесть, по частотному – девяносто семь. Смикшировали и вот вам – радуйтесь, люди! Наш отец и благодетель жив!

– Спасибо, сынку, утешил. А то я уж испугался: зеленых мы к ногтю прижмем, а потом еще этих козлов искать. Для вдумчивой беседы у эшафота...

– Почему зеленых? – отважился спросить я.

– А каких? – Джелат моментально повернулся ко мне. – Ты что, парень, живьем их видел?

– Да нет, как-то не приходилось... Только «носачей», «глазастиков» и «карпов». Ну и «тарелки», само собой...

– Жаль – мне показалось, или в голосе Джелата и впрямь прорезались огорченные нотки? – Слушай, летеха, а «глазастиков» ты каких видел? Только «попрыгунчиков» и «крыланов» или еще каких-нибудь?

Еще и другие «глазастики» есть? Вот не было печали! Слава богу, таких я не то что не видел, а даже и не слышал про таких! О чем и сообщил своим спасителям. И наконец поинтересовался:

– Товарищи офицеры, разрешите обратиться? Вы откуда... в смысле, к каким частям принадлежите?

Алексей и Джелат изумленно переглянулись. Пауза. А потом...

Джелат захихикал. Именно, не засмеялся, а захихикал. Тихонечко и как-то очень обидно. А через секунду к нему

присоединился Алексей. Только он хохотал во весь голос.

– Ты так ничего и не понял, лейтенант Бортников! Какие мы тебе, к хреням собачачьим, «товарищи офицеры»? Нашел, как обозвать. Я, если в эрэфском вооруженном позорище считать, – так лейтенант бы был, как и ты. А Леха – он вообще сержант. Только мы ведь не в этом барадаке служили, а в настоящей армии – Советской. А потом еще кое-что было. Пиндосовским давалкам мозг вправляли. У кого он имелся... Вскрытие определяло...

– Олег три войны прошел, – добавил Алексей негромко. – Афган, Абхазию и Балканы. Я – две. В Афган не успел. Так что опыт, какой ни на есть, – имеется...

Что-то я слышал про этих ветеранов. Еще тогда, ДО... Когда была последняя акция протеста, во время которой началась стрельба, нам объяснили, что кроме пацанвы, принявшей участие в беспорядках, были и другие. Такие вот «старички», которых никто не догадался обыскать и которые пронесли на площадь оружие для своих молодых соратников. Двух таких ветеранов попробовали было захватить бойцы из первого батальона, в результате чего им пришлось схоронить шестерых, а ветераны ушли. И хотя «перваки» клялись и божились, что обоих ранили, и неоднократно, а все же шесть табельных стволов и четыре «ксюхи» сделали нам ручкой. Раненые унесли?..

Я еще раз оглядел рослого Алексея и крепыша Олега. Нет, спасибо вам, инопланетные захватчики, что из-за вас я – с

этими ветеранами, а не против них. Они бы меня шлепнули – мяукнуть бы не успел...

– А... А в-вас много? Ну... то есть, в смысле... сколько?

– О-па! – Олег-Джелат сразу посерьезнел и как-то странно посмотрел на меня. – Как из лесу, к нам в квартиру, дятел ночью залетел... Деточка, вы сейчас серьезно, или это у нас такое чувство «хумора»?

Чего? Чего это он?... они?..

– Видите ли, лейтенант Бортников, – Алексей смотрит на меня с насмешливым сожалением, – у нас нет особых причин доверять вашей организации и ее служащим. Так что, думаю, вы понимаете, что только что заданный вопрос – бестактность. Если не хуже...

Наступившая пауза вызвала у меня неприятный холодок в области желудка. Неожиданно Олег обратился ко мне таким тоном, словно ничего и не произошло:

– Слушай-ка, лейтенант Бортников, а как тебя по имени? А то по фамилии-званию – язык сломаешь, да и лично у меня нет охоты тебя чином именовать.

– Николай...

– Так вот, Коля, – Джелат смотрит на меня пристально. – Я, например, сукой тебя не считаю. Ты вроде неплохой парень, и, верно, пройти даже чего-нибудь успел. Но вот начальство ваше, ментовское... Кстати, кто у вас сейчас за старшего?

– Когда я в дозор уходил – майор Шатурин был. А сейчас

– не знаю. Может, и он, если жив, конечно...

– Ма-а-а-йо-о-ор, – тянет Олег.

Потом бросает быстрый взгляд на Алексея. Тот чуть заметно кивает, и Джелат продолжает:

– Мы тебя до места доведем. А ты майору передай: если захочет связаться с нами – мы не против. Место тебе покажем, где можно почтовый ящик организовать...

Через пять часов я стоял в подвалах бывшего спорткомплекса «Олимпийский» перед майором Шатуриным и рапортовал ему о моих похождениях. Пал Иваныч слушал меня внимательно, не перебивая и даже не задавая уточняющих вопросов.

– ...вот... А потом они мне место в старом под земном переходе показали – третий камень справа в нижнем ряду. Он вынимается. Там письма можно оставлять. Только предупредили, что если следить попробуем – просто общаться с нами не станут. Хотя обещали не трогать. Товарищ майор, если бы им нас тронуть захотелось – порешили бы и не чихнули!

Я перевел дух. Шатурин внимательно посмотрел на меня:

– Все?

– Так точно. Разрешите вопрос?

– Валяй.

– Товарищ майор, откуда у этих ветеранов «Верба», «Му-хи» и все такое? Они что, склад военный взяли?

Пал Иваныч смотрит на меня с какой-то иронией, а потом

словно бы лениво произносит:

– Так это они для нас, Николай, готовили. Скажи зеленым человечкам спасибо, что дело до драки с этими... – он долго молчит, а потом продолжает. – Они бы нас на шнурочки размотали. И никакая спецподготовка не поможет, потому как мы террористов бить приучены, а они – фронтовики... Мы просто «крепкие профессионалы», а этого мало. Власть всегда боялась и боится людей, которые не просто умеют драться, но ещё и не знают, почему не должны делать этого. Они неудобны и неподатливы... С них бы сталось и атаку танковую организовать...

Он снова долго молчит. А потом неожиданно бьет себя кулаком по колену:

– Вот же гниды! Армию разогнали, нас в полицаев переименовали, с народом разосрались так, что люди их живьем жечь были готовы! А мы их охраняй – хари их разожратые!

Майор бесится вполне искренне, но я знаю, что чуть-чуть он все же кривит душой. Ну не на зарплату же свою он себе «бэxu» купил?..

Едва стемнело, как над развалинами города повисли две «тарелки» и снова вспыхнули голографические агитки. Мы с Якушевым – моим новым напарником – сидим у окна разваленного второго этажа и наблюдаем за тем, какое действо разворачивается сейчас в ночном небе.

Вначале все как обычно. Морской берег, яркое солнце, лазурная синь воды и неба. Куполообразные строения под

пальмами. У самой кромки прибора резвятся упитанные щекастые карапузы, под благостным присмотром «носача» и «глазастика-попрыгунчика». Детишки брызгаются, визжат, лезут на «носача», теребят его щупальце. Механический голос с небес проникновенно вещает:

– Люди! Люди! Люди! Мы просим вас прекратить бессмысленное сопротивление. Приглашаем вас на наши приемные пункты. Если вам встретится разведывательный или боевой механизм, громко и отчетливо произнесите: «Приемный пункт» или покажите пустые руки, и вы будете сопровождены до ближайшего приемного пункта. Вам будут гарантированы жизнь, здоровье, хорошее питание, развлечения и медицинская помощь.

Но после того как эту зазывалочку сообщают в четвертый раз, в представлении появляется новый персонаж. Худощавый усатый дядька лет сорока выходит на передний план, закрывая собой детей:

– Здравствуйте. Мое имя – Григорий Пушкин. Я родился в России, затем вместе с родителями переехал на постоянное проживание в Соединенные Штаты.

– Тоже мне, Пушкин нашелся, – негромко замечает Якушев. – Да если он – Пушкин, то я – Барак Обама!

Лже-Пушкин между тем продолжает разливаться соловьем:

– После того как наше правительство приняло благоразумное решение о прекращении бессмысленного сопротив-

ления нашим галактическим друзьям, я со своей женой и со своими детьми отправился на приемный пункт. Там нас встретили и определили в поселение временного проживания, располагающееся на побережье Флориды. Мы очень довольны, — он улыбается голливудской улыбкой на все тридцать восемь зубов. — Мы имеем четырехразовое питание, удобное жилище, нам предоставлены одежда и обувь, оказывается медицинская помощь, наши дети посещают школу.

Картинка показывает нам беззаботных людей, что-то с аппетитом жующих за столами под арочной крышей. Улыбчивую девушку, похожую на какую-то актрису, тщательно обследует странный агрегат явно медицинского назначения, а человек в белом халате на заднем плане ничего не делает и лишь смотрит на своего механического босса с восхищением, плавно переходящим в идиотизм.

— Я хочу сообщить вам, мои бывшие сограждане, что те, кто...

Оба-на! А такого я еще не видал! Голограмма подернулась рябью, голос прервался, а потом...

Картинка резко изменилась. Теперь на ней были облупленные белые стены, на фоне которых стояли трое людей. Лица закрыты: у одного платком, у двух других — шапочками-балаклавами. Один из них шагнул вперед:

— Здравствуйте товарищи! Говорит штаб сопротивления Московского региона. По последним данным, в зоне Московского оборонительного района положение не изменилось.

Имели место отдельные стычки с силами противника, в результате которых было уничтожено до сорока единиц вражеской техники, в том числе двенадцать боевых роботов и один десантный бот захватчиков. Еще три десантных бота повреждены. А прямо сейчас...

Откуда-то с севера вдруг взметнулся дымный столб со светящейся точкой на конце. Перечеркнув ночное небо, он впился в одну из «тарелок». Посудину аж подбросило, затем мелко затрясло, и она, кренясь и заваливаясь вбок, начала быстро снижаться.

– Упс! – Якушев чуть не вскрикнул. – Никола, ты глянь: попали! Попали, черти!

Изображение в небе исчезло. Вторая «тарелка» заметалась, выискивая неизвестную пусковую установку. Из нее высыпалась целая стая «глазастиков-крыланов» и разлетелась по всему небосводу.

Я пихнул напарника в плечо:

– Ну-ка, дай-ка, – и взялся за старенькую «драгуновку». СВД плюнулась огнем раз, другой, и два «крылана», как-то очень по живому сложив крылья, ухнули вниз.

– Ноги-ноги-ноги! – рывкнул Якушев, и мы побежали, провожаемый неяркими вспышками, которыми ближайший «карп» бил по тому месту, где мы только что сидели.

Той ночью я впервые за много лет увидел яркий, цветной и какой-то очень натуралистичный сон...

...Перед нами волнуется толпа. Подростки в ярких крас-

ных и черно-желто-белых шарфиках выкрикивают лозунги, размахивают самодельными красными флагами. Мы стоим перед ними, сомкнув щиты и приготовив дубинки. Вот полетели первые петарды, дымовухи, пустые бутылки.

Команда – и мы делаем первый шаг. И еще шаг. Сейчас мы их... сейчас...

Толпа внезапно, словно по приказу, раздается в стороны, и я вижу, что перед нами стоит Джелат с пулеметом наперевес. Оглушительно бьет очередь...

Справа и слева от меня падают мои товарищи. А над толпой раздаются призывы:

– Оружие разбирай!..

– В Думу! Пусть ответят, гады!..

– Бей псов!.. Потом кто-то начинает громко читать коряво срифмованное стихотворение:

Красное знамя

Поднимем как встарь!

К стенке мусарню!

Буржуёв – на фонарь!

Я смотрю на Джелата, который ведет стволом вдоль нашего строя. Сейчас он...

Сзади нас неожиданно опускается «карп». Оттуда выскакивают два «носача» и в несколько выстрелов разносят толпу. Я вижу, как, не переставая стрелять, горит Джелат, как Алексей пытается прикрыть собой убегающих пацанов...

– Уважаемая земная полиция! – механический голос за спиной. – Мы просим вас пройти на борт десантного бота.

Оборачиваюсь... Передо мной стоит какой-то зеленый зубастый осьминог в шлеме. Ни дать ни взять – персонаж из мультсериала «Симпсоны». Он приветливо машет мне щупальцем:

– Проходите, человек-полицай. Вам будет предоставлено хорошее питание, развлечения и медицинская помощь...

Пытаюсь вытащить из кобуры пистолет. Осьминог удивляется:

– Что вы делаете, человек-полицай? Вы охраняли господ. Теперь ваши господа – мы. Проходите, пожалуйста, человек-полицай. Вы нам нужны. Вам будет предоставлено хорошее питание, развлечения и медицинская помощь, – и кладет щупальце мне плечо.

Я дико кричу, пытаюсь вырваться...

– ...Коль, Коль, ты чего? – кто-то трясет меня за плечо. – Ты чего орешь-то так? Приснилось чего?..

...Через неделю в почтовый ящик ветеранам было отнесено первое письмо. Шатурин делился информацией, предложил подбросить патронов, если вдруг возникла нужда, интересовался насчет антибиотиков и обезболивающего, которое у нас было уже на исходе. В ответном послании нас скупо поблагодарили за информацию, подбросили свою и, главное, – аккуратно уложили в тайник вместе с письмом десятков шприцов-тюбиков армейского образца и несколько упаковок

с антибиотиками широкого спектра воздействия. И словно в шутку там же лежала банка персикового компота...

В послании говорилось также, что из Штаба Сопротивления попробуют прислать к нам медиков, и давалась частота для экстренной связи. Пал Иваныч долго рассматривал письмо, хоть и написанное от руки, но на приличной бумаге. Затем повернулся ко мне:

– Вот что, товарищ лейтенант. Назначаешься ответственным за связь с этим... Штабом. Как думаешь: справишься? Ведь они, как ни крути, – незаконное вооруженное формирование. С коими мы бороться просто-таки обязаны...

У меня даже в глазах помутилось:

– С ними бороться? После того, как они «тарелку» скосырнули? После всего того, что они делают? Да они же нас... как Иуду... на поганой осине... И правы будут!..

– А не смущает вас, товарищ лейтенант российской полиции, – майор нажимает на слово «российской», – что одним из их организаторов – фундаторов, как они сами себя именуют – был Юрий Подобед?

– Какой Подобед? – сперва я даже не понял, о ком идет речь.

– А их что, храни господи, несколько? – делает испуганные глаза Шатурин. – Я знаю только одного – бывшего командира Минского ОМОНа.

Это то-о-от? Серьезный мужик, и парни у него серьезные...

– Так вот, с точки зрения и нашего начальства, и мирового права, такая организация именуется международной террористической.

Обалдело смотрю на Шатурина: не шутит ли товарищ майор? Да нет, похоже, не шутит...

– Так что ты учти, Бортников: если потом что-то не так пойдет – на меня и на тебя всех собак повесят. И еще как!..

...Я шел на встречу с бойцами Штаба Сопротивления. Собственно говоря, тогда, в самом начале, когда вторжение только-только начиналось, штабов было три: Штаб Оборона, Штаб Гражданской Обороны и Штаб сил МЧС.

Первым накрылся Штаб Оборона. Разжиревшие от мирной жизни, с мозгами, заплывшими салом, генералы угробили весь имевшийся у них под рукой личный состав в отчаянных контратаках, и больше о них я ничего не слышал.

Вторыми погибли эмчээсовцы. Они до самого конца продолжали выполнять свой долг – спасали людей из-под развалин разбомбленных домов.

Дольше всех продержались, как ни странно, «гробы». Эти еще и к концу второго месяца вторжения, когда «тарелки» уже рассыпали на атомы Пентагон, когда штаб-квартира НАТО уже отдала приказ о безоговорочной капитуляции, когда Народная армия КНР уже перестала пытаться завалить противника трупами в связи с окончанием «боезапаса» – так вот, даже тогда Штаб Гражданской Обороны еще что-то пытался сделать. И хотя получилось у «гробов» далеко не все,

но они вызывали уважение. Настоящее...

А потом все рухнуло. Где-то в руинах затерялся и сгинул глава Московской полиции (о чем никто из наших особо и не жалел, ибо толку от этого кабана было не больше, чем от кота – молока), пропали всякие федерации-конфедерации, исчезли более-менее организованные банды. Осталось лишь гражданское население, доведенное до состояния затравленных крыс, да небольшие отряды, которые еще как-то сопротивлялись. Вроде нашего второго батальона...

И вот теперь возник новый штаб, который действительно делает дело. И я иду туда по схеме, которая была в очередном письме...

...По бывшей Калужско-Рижской линии метрополитена я шагал почти два часа. Потом нырнул в неприметную дверцу в одном из перегонов. Длинная лестница... Сначала вниз, потом – вверх... Поворот... Узкий, бесконечно тянущийся коридор...

Из-под ног с визгом шарахнулась здоровая крыса, и почти сразу же негромкий голос порекомендовал:

– Стой, как стоишь, парень. Ты куда это собрался?

– На слет дятлов, – именно такой ехидный пароль и был означен в письме. – Общегородской слет дятлов...

– Николай? – интересуется другой, смутно знакомый голос. – Заходи, гостем будешь.

И в луче света появляется высокая фигура. Алексей? Точно – он...

... Через полчаса мы, вместе с Алексеем и еще двумя такими же крепкими мужичками неопределенного возраста, шагаем по каким-то уж совсем жуткого вида переходам. На мой робкий вопрос, где это мы, собственно, один из крепышей коротко отвечает: «Система, сынок». По-видимому, этим вопрос исчерпан. Жаль только, что я ничего не понял...

Переходы кончились внезапно. Как-то вдруг – раз! – и раздалась в стороны стены, улетел вверх потолок. Пространство было залито ярким электрическим светом, от которого я уже не то что отвык, а прямо-таки забыл, как он выглядит! Этот свет озарял... зал – не зал, а что-то длинное, разделенное легкими перегородками на клетушки с большим открытым... большой открытой... в общем, выглядело это место словно большая площадь, окруженная маленькими домами-каморками. Сходство усиливали проходы между клетушками: ни дать ни взять – улочки да переулочки.

На «площади» громоздилась некая КОНСТРУКЦИЯ, из глубин которой то и дело слышались удары, треск и отборный мат, перемежаемый особо изощренными построениями типа: «маму твою факториал», «транслятор тебе через ж...» и прочее. Неожиданно из мешанины проводов, коробок и ящичков подозрительного вида, труб, трубок и трубочек вынырнул Дмитрий. Он невидящим взглядом посмотрел на меня, аналогично – на обоих крепышей, потом перевел глаза на Алексея, и тут его взгляд начал приобретать живость и осмысленность:

– О! – радостно заорал он. – Дядя Леша! Дядь Леш, смотри: вот этих хреновин, – Дмитрий показал нечто блестящее, с яркими метками на поверхности, – этих больше не надо! Нам вот такие еще нужны! А то у нас уже половина сторела на фиг, а мы еще не разобрались! Представляешь: проходит на него команда сдвига – и он тут же накрывается... ну, ты понял чем! Скажи там своим и батиным, что пусть вот этих вот, с вот такой маркировкой, принесут!

– Дим, – остановился Алексей, – ты лучше своих кого пошли с нашими. Мы завалить-то завалим, а вот снимать да выискивать...

– Ага, – легко согласился Дмитрий. – Джинн, сходи с ними?

– Легко, – отозвался откуда-то изнутри конструкции невидимый Джинн. – Тока я еще Санька и Гришу-большого с собой возьму...

– Да-а?! – завопил Дмитрий, ныряя обратно, в путаницу проводов. – А кто прогу гладить будет?!

Дальше я уже не разобрал, потому что один из крепышей легко тронул меня за локоть: «Пошли?»

И мы снова пошли, но на сей раз уже совсем недалеко – до ближайшей клетушки-каморки, в которой за столом сидели, в тесноте, да не в обиде, человек двадцать. Очень разные, но вместе с тем удивительно похожие...

– Здравствуй, Николай, – сказал Олег-Джелат, поднимаясь из-за стола. – Рад, что ты еще жив.

– Здравия желаю... Лейтенант Бортников... – больше мне говорить было нечего.

– Ты проходи, боец, – подал голос другой мужик, худой и жилистый, чем-то похожий на кнут. – Есть-пить хочешь? Если куришь – кури.

– Курю... Только нечего...

– Дожили, братья, – усмехнулся худощавый. – Полиция на табак сшибить не может.

Слушать это было обидно, но я стерпел и взял со стола предложенную мне мятую полупустую пачку сигарет. Рядом на стол легла зажигалка. Я чиркнул колесиком, затянулся, выпустил струйку дыма и... поперхнувшись, аж подскочил на месте. А все потому, что один из сидевших за столом мужиков вытащил откуда-то обшарпанный ноутбук, открыл его и спокойно, без интонации принялся читать то, что высветилось на экране:

– Бортников Николай Петрович, год рождения... русский... место рождения... служба в рядах... служба в органах... зачислен в школу милиции... окончил... разряд по самбо... служба в ОМОН... присвоить звание лейтенант... во взятках замечен или заподозрен не был... на акциях не свирепствовал... данные проверены... перепроверены... холост... пристрастия... проверены... индикация положительная...

– Кенарь, ты полегче, – сказал Джелат добродушно. – А то с твоими штучками первоотдельскими и смершовскими

паренька сейчас удар хватит.

– Ничего, ничего, – отозвался тот, кого называли Кенарем. – Вот тут его медицинская карта, так что удара быть не должно. Максимум – легкий обморок...

– Да? Ну, тогда, пока этот легкий обморок не случился... – Олег поворачивается ко мне. – Вот что, Коля... Да ты успокойся, дыши свободно. Детишки наши – они у нас головастенькие – ваши базы давно уже взломали и всю, как они выражаются, «инфу» оттуда вытащили. Так что мы все про вас знаем. У нас ведь и свои базы есть... то бишь – были...

Он хмыкает, потирает переносицу. А в разговор вступает этот самый Кенарь. Он упирается в меня тяжелым «давящим» взглядом, на лице проступает что-то невыразимо страшное:

– Итак, лейтенант Бортников, хочу вас обрадовать: лично к вам у нас претензий нет. Такое мы можем сказать лишь об очень немногих членах вашей организации, что особенно радует именно сейчас, когда большая часть честных и порядочных офицеров милиции, – он игнорирует новое наименование, введенное несколько лет тому назад, – большая часть их погибла при отражении инопланетного вторжения. Теперь к делу.

Кенарь поворачивает свой ноутбук ко мне:

– Вот это – место посадки тарелок. Бывший аэропорт «Внуково». На наше счастье, «зеленые» не в курсе о существовании подземной дороги в район, – на его лице появля-

ется презрительная гримаса, – так называемого «президентского аэродрома». Мы планируем операцию по возможному захвату нескольких или хотя бы одного ЖИВОГО противника.

Из дальнейшего следовало, что так как мы до сих пор не видели ни одного нашего противника из плоти и крови (или что у них там), а имели дело только с роботами, то для победы нам совершенно необходимо поймать инопланетное существо, хотя бы одно (но лучше – штук пять-шесть, желательно разных полов и социальных статусов), чтобы изучить его психологию, узнать слабые места («А если не скажет?» – робко поинтересовался я. «Скажет!» – отрезал Джелат, да так, что я моментально поверил – скажет!)

Нашему батальону отводилась «почетная» миссия – отвлечь на себя внимание «зеленых», пока ветераны станут потрошить тарелки. Правда, для меня так и осталось непонятным – как, собственно, они собираются это делать, но на наводящие вопросы бойцы Сопrotивления отмалчивались с каменными лицами. Было очевидно, что у них в рукаве был заготовлен какой-то козырь, но какой – этого мне так и не сказали.

Перед тем как начать «обсасывать» все детали предстоящей операции, ветераны выкатили обязательное требование: руководить действиями остатков второго батальона ОМОН они доверяют только мне. Шатурина – исключительно в случае моей гибели. После разбора боевого задания, диспози-

ции и прочего я все же рискнул спросить: в чем причина такой избирательности руководства. К моему изумлению, Олег-Джелат легко пояснил:

– Видите ли, Коля... К майору Шатурину у нас есть некоторые претензии, причем весьма серьезные. Если он не согласится – вольному воля. Если он захочет узнать о наших претензиях поподробнее – мы готовы встретиться с ним на нейтральной территории и обсудить наши вопросы и его ответы. Но на настоящий момент – это дело решенное. Связь только с вами. Другим мы, уж извините нас, господа полицейские, не доверяем. А майору вашему передайте вот это, – и он протянул мне запечатанный конверт. – А теперь, если вы не против, приглашаем вас отведать нашего пайка...

Обед был удивительным, хотя бы потому, что присутствовали все четыре положенных блюда: салат, первое, второе и компот. К моему огромному изумлению, был даже свежий хлеб, который, как выяснилось, выпекали в переносных хлебопечках. Все остальное – на уровне обычной солдатской кухни: борщ с тушенкой, салат-солянка из консервов, перловая каша с мясом из концентрата и компот из сушеных яблок.

Я уже доедал, когда случайно обратил внимание на понурю фигуру в засаленной робе. Фигура медленно перемещалась по столовой – длинному, узкому, полутемному помещению, располагавшемуся ярусом ниже основного зала. Это был уборщик: собирал грязные тарелки и увозил куда-то на

тележке, а в промежутках между сбором тарелок елозил по столам тряпкой и шуршал в углах веником. Мне показалось знакомым его лицо, хотя где я мог видеть эту всклокоченную физиономию с глазами побитой собаки я решительно не мог вспомнить...

– Это? – поинтересовался Кенарь, проследивший направление моего взгляда, – это депутат Государственной Думы.

И он назвал фамилию, которая была мне, разумеется, знакома.

– А что он тут делает?

– Ну как «что»? Кухонным мужиком служит. Больше-то он ни пса не умеет. Прибился к нам месяца два тому. Сначала права качал, потом ничего, исправился. Вот даже повысили в должности. Сначала-то он ассенизатором был...

Я не удержался и прыснул. Вальяжный депутат, один из лидеров компартии РФ, давно и небезосновательно подозревавшийся в связях с бандитами, – ассенизатор? Молодцы, ветераны, – работу ему по душе подобрали...

После обеда я выяснил, где находится бывшее место работы депутата, и рысцой направился к нему. Организм настойчиво требовал свое. Место общего пользования содержалось у ветеранов в образцовой чистоте. Видно было, что эти люди прошли суровую школу Советской Армии и не понаслышке знали, что такое «драить очки»...

– Молодой человек... Вы слышите меня, молодой человек?.. – вкрадчивый шепот за спиной.

– А?

Передо мной стоит тот самый депутат-ассенизатор.

– Молодой человек... Я настоятельно прошу вас: не ввязываться в авантюры этих дикарей.

– Чего?

– Доведите до сведения вашего руководства, что они держат в плену представителя законной демократической власти – депутата Государственной Думы. Меня нужно немедленно освободить, чтобы я мог на законных основаниях вступить в переговоры с представителями галактического разума...

Он переводит дух и продолжает:

– Пора прекратить это бессмысленное сопротивление. Это все наша российская дурь, ксенофобия... ну с чего мы взяли, что они обязательно настроены к нам враждебно? Вон, на Западе уже вступили в переговоры и живут себе спокойно. Роботы их обслуживают... Неужели вы не видите, что это – кучка оголтелых антисоциальных элементов? Они – враги цивилизованного общества... Мы уже сейчас могли бы жить спокойно, без забот о пропитании... Инопланетный разум – разве мы сможем с ними тягаться?..

Я не запомнил, что было потом. Сознание словно выключилось, а снова включилось только тогда, когда двое ветеранов оттаскивали меня от скрюченного, окровавленного тела, распластанного на цементном полу. А я вырывался и все еще продолжал орать:

– Мразь! Власовец! Ублюдок! Вам все равно, кому страну продать, лишь бы «без забот о пропитании»! Сволочь! Пустите меня, мужики!..

...Услышав о требовании ветеранов, Шатурин потемнел лицом, но ничего не сказал. Молча сломал сургуч на конверте, молча прочитал все то, что там было – два небольших листка, покрытых петитом. Потемнел лицом еще больше, потом сплюнул и прошипел:

– Ладно, черт с вами! Коли все выйдет – отвечу по всей строгости... – и больше к вопросу о командовании операцией не возвращался.

В назначенный день мы, проверив предварительно связь, выдвинулись в условленное место. Коротко пискнул одноразовый передатчик, сообщивший Штабу Сопротивления, что мы на месте, а через пару минут пришла команда начинать.

Мы выкатились на поверхность и ударили разом. Разметали два десятка «попрыгунчиков», умудрились чудом завалить одного «карпа», и залегли под огнем доброго десятка «носачей». В этот момент рация ожила снова:

– Дятлы, Дятлы! Здесь Джелат. Здесь Джелат. Не бейте «носачей», которые не станут стрелять в вас. Не бейте «носачей», которые не станут стрелять в вас.

Он не успел продолжить, как я с изумлением уставился на происходящее. Из десяти «носачей», только что бойко двигавшихся к нам, поливая огнем по площади, три вдруг замерли, а потом... А потом, ни мало не сумняшеся, врезали со-

гласованным залпом по своему собрату. Тот вспыхнул и взорвался, а чокнутые «носачи» дружно развернулись и прикончили следующего. Затем они со всех своих семи ног каждый рванули к ближайшей «тарелке». Дальше я не видел, потому что над нашей позицией зависли три «карпа» и устроили нам библейский Содом. С Гоморрой за компанию... Мы отбивались, как могли, из всего наличного оружия, когда один из «карпов» тоже рехнулся и, свалив одного своего приятеля, припустил за вторым, выписывая в воздухе виражи, которым обзавидовался бы сам Иван Кожедуб. Второй «карп» пытался удрать, но, видно, не на таковского напал. Серия бледных вспышек – и беглец, задымив, пошел на снижение. «Носачи», оставшиеся перед нами, вели себя более чем странно. Они остановились, явно не решаясь двигаться дальше, и только лупили во все стороны. В божий свет, как в копеечку...

– ... Дятлы! Дятлы, мать вашу! Коля, ты живой?!

– Бортников на связи!

– Коля! Уводи своих! Все нормально! Бегом, я сказал! Отбой!

Как бы в подтверждение слов Джелата, еще два «носача» вlepили по своим. Те, видно, уже ждали чего-то подобного, и между боевыми роботами завязалась оживленная перестрелка. Им было явно не до нас, и мы улизнули, унося с собой пятерых «двести» и семерых «триста»...

А на следующий день на частоте Штаба Сопротивления

пришел приказ. Не просьба, не пожелание, а именно приказ: «Второму батальону ОМОНа срочно передислоцироваться на базу Сопротивления. Контрольное время – восемнадцать часов по московскому времени». Майор хмыкнул и козырнул мне:

– Командуйте, товарищ лейтенант. Они не шутят...

– А вы, товарищ майор?

– А что «я»? В живых оставят, в ОМОНе, скорее всего, – тоже. А остальное... – он махнул рукой. – Правы они, лейтенант. Так что спасибо им и за то, что к стене сразу не ведут...

К восемнадцати ноль-ноль мы находились на подземной базе. Навстречу нам вышло человек десять из руководства, но ни Кенаря, ни Джелата, ни Алексея я не увидел. Из наших выделили троих: Шатурина, капитана Бурдонова и меня. Остальных повели куда-то, а нас позвали на совещание в столовую.

Оглядев тех, кто собрался в зале столовой, Шатурин и Бурдонов слегка побледнели. Кенарь встал и сказал:

– Присаживайтесь, товарищи офицеры. Хочу сразу успокоить вас, товарищ майор, и вас, товарищ капитан. Да, вы не ошибаетесь, и перед вами действительно сидят те, кто по ориентировкам проходил с пометкой «при задержании особо опасен». Причем некоторые знакомы вам лично. Те же, кто вам не знаком, опасны ничуть не меньше. Но теперь – не для вас. Мы с сожалением вынуждены констатировать, что в прежних званиях вы при нашей власти не останетесь, но все

можно будет исправить. По крайней мере ваше поведение в период иноземного вторжения характеризует вас с самой лучшей стороны, а потому, я полагаю, можно будет ограничиться простым понижением в звании. Думаю, что товарищи меня поддержат. Так что проходите, не стесняйтесь...

После такого «любезного приглашения», мы, наконец, уехали на свободные места. Рядом оказались двое офицеров-армейцев, один из которых наклонился к Шатурину и тихонько произнес:

– Ты, майор, особо не грузись. Считай, что еще дешево отделался, – он негромко хмыкнул. – Мне вот, например, если они к власти придут, обещали, что годок-другой буду железо сквозь дерево таскать... Если, конечно, не смою...

Вот так... У них все куда как серьезно... Из фильмов и книг я знаю, что значит «смыть». В смысле – смыть кровью. Так Соппротивление здесь и штрафбаты устроить решило? Ого...

– Товарищи! – перед нами стоит пожилой мужик, с умным, чуть хитроватым лицом. – Мы собрались сегодня, чтобы посмотреть на наших противников, так сказать, воочию.

Мужик обернулся вполоборота и махнул рукой:

– Введите гражданина посла!

Цитате из старого фильма многие было засмеялись, но тут...

Двое пареньков, в одном из которых я узнал Дмитрия, вывели на середину зала... Больше всего то, что они вывез-

ли, напоминало тележку, на которой стоял аквариум. Некая емкость цилиндрической формы, закрытая с торцов стальными плитами. Плиты стягивали длинные шпильки, завинченные солидными могучими гайками, навроде тех, которыми скрепляют между собой железнодорожные рельсы. Только сбоку зачем-то примостилось несколько автомобильных аккумуляторов, да на верхней крышке торчали какие-то рычаги.

В самой емкости имелось три круглых окна из толстого стекла, за которыми сидел... сидела... сидело ОНО! Существо, напоминающее человека, если бы не непропорционально огромная голова и голубой цвет кожи. Оно было неподвижно...

Дмитрий и его напарник выкатили тележку с емкостью на середину зала и остановились. Затем сын Джелата откашлялся и произнес:

– Прошу любить и жаловать. Пытырас из Эрхей. Зовут ы'Хтрхнгтогын. Но чтобы языки не ломать, мы ему кличку придумали. «Пидор», – он усмехнулся. – Можно задавать вопросы. Мы с коллегой и Пидор постараемся ответить на все.

С этими словами он повернул рукоятку какого-то аппарата на верхней крышке, и в зале раздался писклявый голосок:

– Люди. Спрашивайте. Я готов отвечать.

– За все готов отвечать? – нехорошо оскалившись, вдруг спросил Джелат, встав со своего места. – Сын, а как мы проверим: врет он нам или нет?

– Бать, представляешь, – Дмитрий выключил связь емкости с внешним миром, – они органически врать не умеют! Мы их всех проверили. Товарищи, мы их током били, заставляли соврать, а они – ни в какую!

– Похоже, что способность выдавать ложную информацию не заложена в них изначально, – вступил в разговор второй паренек. – Они ведь тоже своего рода роботы. Только более высокого уровня и бесхозные... Впрочем, тут еще стоит повозиться с определением сродства и противоположностей в генотипе, но...

Дальше парень понес такую заумь, что я перестал его понимать. Видимо, не один я, потому что из зала поднялся человек, очень похожий на Джелата, и сказал:

– Сынок, хватит нам мозги полоскать. Тут и так все верят, что ты – умница. Ты вот лучше скажи: а чего он, пидор этот, делает, если ответ знает, а отвечать не хочет?

– Молчит, – моментально отозвался Дмитрий, хотя спрашивали и не его. – Молчит, правда, недолго.

– В смысле? – поинтересовался Олег.

– Ну, пап, ну ты же сам учил... мы уже и напряжение научились варьировать, чтобы не убить...

– Понял, понял, – Джелат поднял руку. – Сколько пленных осталось?

Пареньки замялись, затем тот, чьего имени я не знал, смущенно сказал:

– Только этот. Один помер от избытка кислорода, так мы

вскрытие провели. А второго – ну... второго, мы... Правда, мы не хотели...

– Понятно, – подытожил кто-то. – Увлечлись, товарищи ученые, верно?

Паренек сокрушенно кивнул. Дмитрий внезапно окрысился:

– А мы чего? Больше бы образцов живыми взяли – все было бы в ажуре!

– А ну сядь! Сядь и не ори! – Джелат подошел к сыну и крепко взял его за плечо. – Сколько взяли, столько и взяли... Этот и вправду говорить будет?

– А куда он, на хрен, денется с электрического-то стула?

– Вот и ладушки. Тогда первый вопрос: мы захватили контейнер с какой-то вязкой массой. Что это?

– Не могу сказать однозначно, – ответил писклявый голос без всякой интонации. – Слишком мало данных.

Джелат переглянулся с сыном и, нехорошо усмехнувшись, принялся уточнять:

– Контейнер, формой напоминающий усеченный конус. Заполнение: вязкая масса, консистенцией напоминает... напоминает... – он повернулся к сыну. – Он знает, что такое сметана?

Дмитрий задумался, замялся, но на помощь ему пришел второй парень:

– Сейчас объясню, дядя Олег.

С этими словами он вытащил небольшую коробочку, при-

ложил к губам и начал что-то нашептывать в нее. Судя по всему, это был транслятор-переводчик, потому что сидящий в емкости пленник явно занервничал. Джелат между тем продолжил:

– На крышке вот такая метка, – он вытащил из кармана лист бумаги и, развернув, приложил его к одному из окон. – Теперь данных достаточно?

Наступила пауза. Пленник впился глазами в надпись и молчал. Олег подождал еще немного, затем тронул Дмитрия за плечо:

– Подстегни-ка его, чтобы с ответом не тянул.

Дмитрий кивнул и повернул какой-то рычажок на крышке. Инопланетянин выпучил глаза, затрясся и запрыгал внутри емкости. Все молча следили за происходящим.

Второй паренек, который, по-видимому, был биологом, посмотрел на часы, прикинул что-то в уме, потом махнул рукой:

– Стоп!

Димка снова повернул рычажок.

– Ну, вспомнил, морда иноземная? – почти ласково поинтересовался Джелат. – Так что это за хреновина?

Пленник молчал. Снова щелкал рычажок, и снова бедолага скакал внутри своей бочки, но в конце концов...

– Люди. Люди. Что вы хотите в обмен на это? Отдайте.

– Ага. Сейчас. Только шнурки погладим.

– Ваш внешний вид не имеет значения. Отдайте. Мы го-

товы предоставить вам, – короткая пауза, – лоуренсий⁵ в количествах, эквивалентных пяти... нет – десяти масс этого контейнера.

– Чего они хотят дать? – голос из зала.

– Лоуренсий, – Джелат почесал в затылке. – Его получили в Дубне, несколько сот атомов. Но он же распадается... Да почти мгновенно!

– Так, к вопросу о цене мы еще вернемся. Хотите купить? Можно. Только у нас не принято продавать то, сами не знаем что. Что это за контейнер? Отвечай, или...

Долгая пауза. Затем писклявый голос произносит бесстрастно:

– Это зародыши. Наши зародыши.

– Опа! – Кенарь шагнул вперед, отодвигая Джелата в сторону. – Зародыши, говоришь? И большая партия? В смысле: сколько у вас еще осталось?

Последовавшая пауза была почти бесконечной.

– Ничего. Ничего не осталось. Это, – голос вдруг сорвался на визг, – единственная, понимаете вы, дикие существа, единственная партия!

Кенарь вдруг повернулся к нам:

– Товарищи... – его голос тоже внезапно сорвался, – товарищи... Прошу извинить, но общее собрание пока преры-

⁵ Лоуренсий (Lr.) – искусственно полученный химический элемент группы актиноидов с атомным номером 103. Ввиду исчезающе малого времени жизни изотопов лоуренсия (самый долгоживущий изотоп имеет период полураспада 3 ± 0,5 минуты) его практическое применение представляется затруднительным.

вается. В связи с вновь открывшимися обстоятельствами...

– Да что там, – армеец, собиравшийся «таскать железо сквозь дерево», машет рукой. – Все ясно, товарищ начальник первого отдела. Пошли, мужики.

Все встали и бодро двинулись к выходу. Некоторых Кенарь останавливал, но большинство ушли и, тут же, сбившись в здоровенную кучу, принялись оживленно обсуждать новую информацию...

– Ну, если это последняя партия, так чего ж еще желать? Спалить к чертовой матери – и звиздец войне! Подождем, пока эти передохнут и все!

– Умен ты, полкан, аж зубы ломит! А если они еще сделают?

– А хрена ли тогда лоуренсий предлагали? Ну и сделали бы себе, а не выкупали. Чего ж они?

– Может, тяжело? Вдруг у них не стоит?

Общий смех. Но возбуждение не проходит:

– А зачем они такое добро здесь держали? Ну и хранили бы у пиндосов, там хоть безопасно...

– Ты их агитки слушай больше. У пиндосов тоже мужики отыскились. Командует чувак, который еще Вьетнам прошел. Он при вторжении из тюрьмы драпанул. С ним двое наших. Бывшие «солнцевские». Это командование. А так их тыщ двадцать...

– Это откуда дровишки?

– Радиограмму от них поймали. Они связи искали. Умни-

ки наши мелкие кое-что придумали. Ну и связались. Через спутник этих «пидоров»...

Из дальнейшего рассказа седого, жилистого ветерана следовало, что около двадцати тысяч амеров оказались настоящими мужчинами, которым не в карту было отдавать свои дома инопланетянам. Даже если президент приказал. Они отчаянно дрались, причем довольно умело, так как в основном были ветеранами локальных конфликтов. С оружием у них было похуже, но тоже имелось...

– Так, товарищи. На ночлег размещаемся по своим подразделениям, – из столовой вышел Кенарь. – Вас проводят. Подписку о неразглашении я с вас не беру, но сами понимаете...

Если кто-то чего-то и не понимал, то, взглянув на лицо ветеранского особиста, он сразу же захлебнулся бы в водопаде понимания. Разговор мгновенно оборвался, и мы двинулись к своим отрядам в полном молчании. Так же, в молчании, располагались по грубо сколоченным нарам, закутывались в камуфляж. Но сон не шел...

– Николай? Николай, ты спишь?

– Никак нет, товарищ майор.

– Пойдем-ка, пошепчемся... Мы выходим из комнаты, где, тяжело дыша и похрапывая, дрыхнут наши товарищи:

– Слушай, Коль... Как ты думаешь: много этих ветеранов?

– Ну-у... не знаю, товарищ майор. Не задумывался...

– Так вот, их только в Москве около пятнадцати тысяч. А

есть еще в Питере, в Нижнем, на Кавказе... – Шатурин долго молчит, испытующе глядя мне в лицо. Затем продолжает: – Они победят. Я чувствую. А потом... Ты не думал: а что потом?

Потом? Потом, когда ветераны и их «умники» победят? Ну, наверное...

– Если ты еще не понял, Николай, они будут все возвращать. Назад.

– Что возвращать?

– Советский Союз. И, очень может быть, сцепятся с теми, из Штатов. Тебе не страшно?

А почему мне должно быть страшно? Янкесы всегда были нашими врагами. Даже когда мы вместе с фрицами бились...

Видно, ответ написан у меня на лице, потому что Шатурин вдруг как-то ссутуливается, съеживается. Его плечи опускаются, руки повисают безвольными плетями...

– А мне страшно, лейтенант. Очень страшно. И знаешь, почему? Нет?

Он вдруг придвигается ко мне почти вплотную и шепчет в самое ухо:

– Потому что они – правы! Правы! И когда этого парня из «тамани» приговорили к трем годам условно, и когда меня разжаловать собрались. А знаешь, как страшно жить с теми, кто всегда прав?!

– Товарищ майор, а, по-моему, с теми, кто всегда прав, жить, может, и трудно. Зато не страшно. Вот если бы именно

они вопрос с «чехами» решали – неужели столько же наших ребят там погибло? А «Норд-Ост» был бы? А Буденновск?

Он долго молчит. Потом разворачивается и уходит в комнату. Жаль его. Хороший он мужик. Просто не удержался тогда. Не сумел удержаться...

Собрание-совещание командиров не продолжилось и на следующий день. И на через следующий. Мы исправно ходили в патрули, часть отрядов разошлась по прежним местам дислокации, но всем было ясно: должно произойти что-то важное. Очень важное...

На второй день с улиц исчезли «носачи», а «карпы» пролетали только поодиночке и только на большой высоте. На третий – пропали голографические агитки. А на пятый день нам вдруг зачитали приказ о том, что «глазастиков-крыланов» не бить, а только «попрыгунчиков», и то, если попадутся, а специально не искать...

...Вечером один из наших рассказал, что болтал с кем-то из умников. И тот ему поведал, что эти самые пытырясы прилетели сюда размножаться. Вывести потомство, так сказать. Для нормального развития маленьких пытырясов земные условия подходили практически идеально. Единственное, что не соответствовало пытырясскому представлению о рае, был процент кислорода в земной атмосфере. Этим гаврикам не требуется больше пятнадцати процентов, а оптимально – что-то около двенадцати. Но пытырясы не унывали. Изменить процент кислорода можно, и даже не очень слож-

но. Кстати, именно в районе Внуково и должен был быть построен один из заводов по переработке кислорода. Куда должно было деться при этом коренное население Земли, пытырясов не интересовало...

Потомство свое инопланетяне доставили в трех контейнерах. Было три клана?.. семьи?.. В общем, три группы пытырясов, каждая из которых имела свой контейнер с зародышами.

Первая «группа» потеряла свой контейнер вместе с тарелкой в небе над Владивостоком. Кто был тот отчаянный парень, который на своей горячей «сушке» врезался в тарелку – русский или китаец – уже не важно. Важно то, что контейнеров осталось всего два.

Второй контейнер был уничтожен во время отчаянной атаки, предпринятой янкесами. Потеряв больше двадцати тысяч бойцов, юсовцы взломали оборону лагеря пытырясов и разнесли в щепки все, что там было. Включая контейнер. И вот теперь последняя группа, называвшаяся Эрхеи, лишилась своего последнего контейнера. И положение у пытырясов – хуже губернаторского. Вроде бы у нынешних заканчивается цикл жизни, и неясно: хватит ли им оставшегося времени на подготовку новых зародышей или нет. Так что у нас в руках и впрямь оказался могучий козырь...

...Утром был завтрак. Каша с сублимированным мясом, чай. Порции побольше, чем последнее время было принято в нашем батальоне, так что можно порадовать живот. Чем я

и занимался, с аппетитом наворачивая разваристую, исходящую паром вкусную «шрапнель», когда...

– Внимание! Внимание! Командирам всех подразделений: немедленно прибыть в комнату двести одиннадцать, ярус три. Повторяю: командирам всех подразделений немедленно прибыть в комнату двести одиннадцать, ярус три.

Лихорадочно затолкав в себя последнюю ложку, в которую постарался уместить полмиски, я рванул на выход. И только вылетев из столовой, задумался: а где этот «ярус три»? Это вверх или вниз?

– Что, Николай, заблудился? – рядом стоял Алексей. – Тебя ж вызывают, а ты тут топчешься. Не дело...

И не успеваю я спросить, где находится ярус три и комната двести одиннадцать, как Алексей быстро растолковывает мне маршрут. Спасибо вам, товарищ ветеран! Добрый вы и человечный. Не то что Желат, который, наверное, тоже все разъяснил бы, но не преминул бы поиздеваться. Мол, вот милиция пошла – города не знает, без проводников – никуда...

Ошпаренной мартышкой я взлетел по лестнице и помчался по коридору таким галопом, которому позавидовал бы и призовой жеребец. Что-то мне не улыбается опаздывать. От этих ребят, которые «всегда правы», можно и три наряда вне очереди схлопотать. И не посмотрят, что ты – командир батальона!..

Я влетел в дверь с аккуратными циферками «211» и... замер в полной прострации. Посередине комнаты стояли

несколько совершенно незнакомых мне человек в парадной форме, с какими-то неизвестными мне нашивками, орденами, значками. Все, как один, – чисто выбритые, отглаженные, в блестящих сапогах. Перехвачены скрипучими ремнями...

– О, вот и старший лейтенант Бортников прибыли, – произнес один из незнакомцев голосом Джелата. – Проходите, Николай, проходите. Будем и вас сейчас обмундировывать...

Оказывается, в свое время бойцы Сопротивления наткнулись на склады военторга. В принципе, они не знали, зачем им нужны парадные мундиры, отрезы сукна, хромовые сапоги, но по неистребимой привычке людей, привыкших к вечной нехватке чего-нибудь ценного, ветераны решили, что на что-нибудь эти «шмотки» да пригодятся. И вот теперь, собираясь на переговоры с врагами из космоса, они решили не ударить в грязь лицом и принарядится соответственно случаю...

Здесь же находилась, как выразился незнакомый мне громадного роста боец по кличке Фудзияма, «рота почетного караула» – два десятка здоровенных молодцов, экипированных а-ля президентский полк. Правда, вооружен «почетный караул» был вовсе не парадно: СВД, ПКМ, «Корд», гранатометы, ПЗРК...

– Это на случай, если они все-таки врать умеют, – насмешливо сообщил мне Джелат, попутно подгоняя кого-то, невидимого мне. – Ну, чего копаемся? Тащите мундирчик доб-

лестному представителю советской милиции!

Мне вытащили почему-то парадный мундир военного летчика, украшенную золотым шитьем генеральскую фуражку и, зачем-то, шашку.

– Ну вот – органы правопорядка выглядят прилично, – констатировал Джелат, придирчиво оглядев меня со всех сторон.

– Что, мужики, пошли? – спросил Кенарь.

Он стоял в генеральском мундире, но без погон, и за плечом висела совершенно неположенная для такого костюма «муха».

Ветераны двинулись к выходу. Я поспешил за ними, гадая, что же такое могло случиться, что надо было переодеваться в «парадку»? Неужели?..

– Ты, парень, чувствуешь, какое событие сегодня намечается? – толкнул меня в плечо Фудзияма. – Капитуляцию идем принимать, понимать надо...

Капитуляцию? Все кончится, и можно будет снова жить спокойно?.. Нет, не может быть, не верю!..

На станции метро нас ждал мотовAGON. В него закатали тележку с контейнером, тележку с пленным инопланетником, а затем зашли сами. Ехали в полном молчании, придавленные ожиданием великого, на самом деле ВЕЛИКОГО события...

На «Площади Революции» мы вышли и двинулись наверх. Каким-то чудом Штабу Сопротивления удалось запустить один из эскалаторов, и мы поднялись, не утруждая ноги. На

выходе стояли суровые мужики, один из которых козырнул и доложил:

– Все чисто. Прибыла одна тарелка. «Носачей» и «карпов» нет, только один «попрыгунчик».

Наши умники готовы перехватить его управление в любой момент...

– Отлично, – кажется, это Кенарь сказал. —

Пошли, мужики...

Кремль, как ни странно, почти не пострадал. Только на Спасской башне покосилась шатровая крыша да нет флага на Кремлевском Дворце. Над Красной площадью гулко раздались наши шаги. У Лобного места стояла тарелка...

– Люди. Вы привезли контейнер. Что вы хотите взамен? – голос из невидимых динамиков больно ударил по ушам, но оставался таким же писклявым, как и у пленника.

– Чтобы вы убрались отсюда раз и навсегда! – четко произнес Кенарь. – Забирайте ваших зародышей и проваливайте. И чтоб больше мы вас не видели!

После долгого молчания писклявый голос ответил:

– Хорошо. Мы уходим.

– И оставляете нам всю наземную технику. Всех «носачей», всех «карпов», всех «глазастиков» и половину «тарелок».

– Согласны. Мы уйдем на этой тарелке. Остальные – ваши.

Кто-то из ветеранов что-то быстро заговорил в микрофон. Потом поправил гарнитуру, выслушал ответ:

– Все честно. Во Внуково наши принимают технику. «Умники» визжат от счастья...

Двое парней почетного караула толкнули вперед тележки. Из тарелки вылезли четыре головастых фигуры в скафандрах. Трое из них ухватились за тележку с контейнером и чуть только не бегом поволокли ее внутрь. Потом забрали пленного.

Четвертый инопланетянин стоял перед нами. Спокойно, бесстрастно он произнес:

– Мы уходим навсегда. Но через пятьдесят оборотов вашей планеты вокруг звезды сменится наше поколение. Они, – жест в сторону тарелки, где исчез контейнер, – могут вернуться. И тогда мы будем умнее...

– Возвращайтесь, – спокойно сказал Джелат. – Вы бы нашу историю сперва поучили. К нам вообще много кто приходил. Татары, шведы, французы... Гитлер вот... Короче: добро пожаловать!

...Тарелка улетала. Она уносилась куда-то далеко и растворялась в безоблачном небе. Мы стояли и смотрели ей вслед...

– Так, ну че стоим? Давай, мужики, двинулись. Нам еще здесь все чинить надо. И приготовиться к возможной встрече. Полста лет – срок-то совсем маленький. Поторапливайся. Чтоб им и в самом деле было «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!»

Олег Никитин

РУССКИЕ НЕ СДАЮТСЯ

*Посёлок Рамштайн. 11 июня
2011 года. 7 часов 45 минут*

Андреас Шаллер вышел на крыльцо своего дома и с удовлетворением оглядел небольшой, но тщательно ухоженный дворик. Ровно подстриженный газон пересекала вымощенная аккуратными каменными плитками дорожка. Справа от дорожки выстроились в ряд весело раскрашенные гипсовые гномы, охраняющие крошечный фонтан. Андреас с супругой так любили вечерами после работы посидеть около весело играющих струек воды и попить кофе с круассанами. Жаль, что электричество сейчас очень дорого и чета Шаллеров теперь могла позволить себе включать фонтан только два дня в неделю, на уик энд. Шаллер улыбнулся. Сегодня как раз была суббота, а значит, вечером будет традиционный ужин около фонтана, а потом... Приятные мысли Андреаса самым беспардонным образом нарушил здоровенный рыжий кот. Он ловко прыгнул с невысокого забора, отгораживающего внутренний дворик четы Шаллер от любопытных соседских глаз, и чинно продефилировал мимо фонтана, цели-

ком поглощенный какими-то своими, крайне важными кошачьими делами.

Слегка шокированный столь бесцеремонным поведением соседского мерзавца, Андреас громко закричал и хлопнул в ладоши. Эффект получился гораздо сильнее, чем рассчитывал герр Шаллер. Наглый рыжий котяра подпрыгнул высоко в воздух и, не разбирая дороги, кинулся со всех ног к спасительному забору. По пути огненное порождение ада задело фигурку садового гнома. От толчка тот с отвратительным хрустом упал на дорожку. Шаллер с плохими предчувствиями подбежал к гипсовой фигурке, бережно взял её в руки. Так и есть! Верх гномьей шапочки лопнул и держался только на честном слове. Даже если приклеить отколотый кусок, то все равно будет видна трещина.

– Проклятье! Чертов котяра! – в ярости прошипел Андреас и решительным шагом направился к соседскому дому. – Ну, фрау Селма, теперь вы просто так от меня не отделаетесь!

Андреас резко нажал кнопку домофона.

– Кто там? – раздался сонный голос соседки.

Вообще с соседями семья Шаллеров жила вполне цивилизованно. Фрау Селма, как и жена Андреаса, работала на авиабазе ВВС США. И нередко обе женщины ходили на работу вместе. Идти-то десять минут неспешным шагом. В общем, по большому счету, соседи вполне ладили. За исключением одного момента, а именно рыжего соседского кота, ко-

торый совершенно игнорировал право частной собственности и шлялся по неприкосновенной территории домовладения, когда ему вздумается. Особенно раздражало герра Шаллера то обстоятельство, что мерзкое животное изредка гадило прямо на крыльце дома. А на все законные претензии безвинно пострадавшего фрау Селма лишь разводила руками и виновато улыбалась. Но сегодня чаша терпения Андреаса переполнилась. Сегодня он даст настоящий бой рыжему разбойнику! Дверь распахнулась, и на пороге возникла совершенно сонная соседка.

– Что случилось, дорогой герр Шаллер?

Андреас энергично потряс перед лицом Селмы разбитой фигуркой:

– Вот что случилось! Ваш кот сломал моего любимого гнома! Между прочим, мы с женой специально ездили в Кайзерслаутерн покупать эти садовые фигуры. Двенадцать евро одна стоит! Не считая потраченного на поездку бензина!

Над головой с диким рёвом пролетели два истребителя Ф-16. Жители поселка Рамштайн за многие десятилетия привыкли к соседству с самой большой авиабазой США в Европе и совершенно не обращали никакого внимания на бесконечно мелькавшие в небе самолеты.

Соседка страдальчески схватила за голову:

– Погоди, причем здесь кот?

– У меня все на камеру видеонаблюдения зафиксировано! И думаю, что на этот раз я отнесу заявление в полицию. С

такими доказательствами они меня наконец выслушают...

Андреас осекся. Фрау Селма после того, как услышала слово «полиция», буквально выпучила глаза, рот её некрасиво открылся, и все лицо нелепо перекосилось.

«Похоже, на этот раз я её достал», – с неподдельной радостью подумал Андреас.

Фрау Селма что-то попыталась сказать, но кроме несвязного мычания у неё ничего не вышло. Селма ткнула пальцем за спину Шаллеру и наконец смогла коротко вымолвить:

– Что это?

Андреас обернулся. За южной окраиной поселка, на территории базы ВВС, возвышались три синих полупрозрачных купола. Два поменьше, а один центральный, просто огромный. По их поверхности периодически пробегали молнии, а сами они часто пульсировали. Пока Андреас во все глаза таращился на странное явление, непонятные образования перестали искриться молниями и в один момент приобрели густой молочный цвет. Словно утренний туман кто-то огромный сгреб с окрестных полей и ради забавы спрессовал в три идеальные полусферы.

Селма тронула Андреаса за плечо и снова ткнула пальцем на юг:

– Скажи, тебе жена ничего такого не говорила? Может, секретное оборудование испытывают?

– Нет, Марта мне ничего не говорила. Все как обычно. Даже не намекала.

Фрау Селма покачала головой, продолжая внимательно разглядывать купола.

– Я тоже ничего не слышала. Хотя в офицерской столовой вчера крутилось большое начальство...

Со стороны базы раздался сперва одинокий выстрел, а через пару секунд дробно застучали автоматные очереди и грохнула пара взрывов. После небольшой паузы автоматная стрельба возобновилась с гораздо большей интенсивностью, да и взрывы теперь звучали практически без перерывов.

Селма закричала и ринулась внутрь дома. Андреас остался стоять на пороге, продолжая упорно сжимать в руках разбитую фигурку гнома. В кармане рубашки зазвонил телефон. Герр Шаллер мельком посмотрел на экран: звонила Марта, которая минут тридцать назад поехала на площадь прикупить у приехавших поторговать в Рамштайн фермеров свежих овощей.

– Андре, что там у вас происходит? Что это за белое дерьмо торчит над складами ядерн... короче, над военными складами? Что там за грохот?

– Дорогая, – волнуясь, ответил Шаллер. – Только что ничего не было, неожиданно над базой возникли три купола, а теперь еще там начали сильно стрелять. Даже взрывают что-то.

– Андре, спустись в подвал и вытащи на улицу две большие армейские сумки, которые лежат внизу на стеллаже, слева от зимних покрышек, – голос супруги был совершенно

спокоен. — Дорогой, ты меня хорошо понял?

— Да, Марта, а зачем...

— Андре, я буду дома через пять с половиной минут, — мягко продолжила жена. — Сумки к этому времени должны стоять на дороге. А ты возле них. Отбой.

Шаллер резко развернулся и бегом помчался в подвал. Он прекрасно знал, что если супруга что-либо просит сделать спокойным, мягким голосом, то дело плохо. Надо бросать все и немедленно выполнять пожелание любимой. Иначе будут большие неприятности. Очень большие. С будущей женой Андреас познакомился в Турции на курорте. После весьма бурного, наполненного бешеным сексом романа Андреас уехал к себе в Мельдорф, но очень быстро понял, что это было совсем не мимолетное увлечение.

Через полгода неожиданно даже для самого себя Андреас стал законным мужем Марты и вдобавок переехал из своего пусть небольшого, но города в поселок Рамштайн, знаменитый лишь находившейся рядом с ним авиабазой США. Впрочем, Андреас никогда не жалел ни о женитьбе, ни о переезде. Хотя Марта и оказалась немного властной особой...

С трудом вытащив две огромные, тяжеленные сумки из подвала, Андреас с кряхтением поставил их на вымощенный красной плиткой тротуар и посмотрел на белые полусферы. Возле самой большой кружил вертолет, он плавно поднялся к вершине купола и, как показалось Шаллеру, попытался сесть на его верхушку. Вертолет закрутило, он резко за-

скользил вниз, и через несколько секунд до Андреаса донесся глухой взрыв, перекрывший на мгновение стрельбу. На базе громко завывали сирены, тут же совершенно невыносимо, до боли в зубах, завывали сирены в поселке. Женский голос с жесткими интонациями начал монотонно повторять: «Внимание! Боевая тревога! Всем жителям немедленно укрыться в бомбоубежищах. Ждать дальнейших приказаний! Внимание! Боевая тревога...»

Шаллер растерянно посмотрел по сторонам. Слева с огромной скоростью приближался белый «БМВ ХЗ». «Ну наконец-то, Марта приехала!» – радостно подумал Андреас и замахал руками над головой.

Здоровенный внедорожник, пронзительно скрипнув по крышкам, остановился точно напротив Андреаса. Стекло пассажирской двери опустилось, из салона раздался крик жены:

– Андре, быстро кидай сумки в багажник и садись рядом со мной! Что ты стоишь? Шевелись!

Шаллер кинулся к машине. Справа послышался надсадный вой двигателя. В дальнем конце улице со стороны авиабазы несясь легковой красный автомобиль. Слева раздался лязг, декоративные ворота резко распахнулись, и из них выскочил соседский «Ниссан». Андреас успел заметить, как Селма одной рукой вцепилась в руль, а другой судорожно прижимала к уху мобильный телефон. «Ниссан» успел выехать четко на середину улицы, когда в него на полном ходу

врезался мчащийся со стороны базы автомобиль. Машину Селмы развернуло и ударило об фонарный столб.

Вторая машина осталась стоять посередине дороги, весь её передок был чудовищно разбит, из-под смятого в хлам капота начали подниматься тонкие струйки дыма или пара. В салоне машины из-за сработавших подушек безопасности ничего рассмотреть не удавалось.

Андреас так и продолжал стоять около раскрытой двери багажника, переводя взгляд с машины Селмы на красный автомобиль, примчавшийся со стороны авиабазы. Марта выскочила из «БМВ» и подбежала к «Ниссану», заглянула внутрь салона и вдруг резко сделала два шага назад.

Задняя пассажирская дверь красного автомобиля с трудом раскрылась, и на дорогу вывалился человек в полевой форме американского морского пехотинца. Следом из салона, не обращая внимания на лежащего на дороге человека, вышел здоровенный афроамериканец с сержантскими погонами. В руках он сжимал автоматическую винтовку «М16». За чернокожим морпехом из машины с большим трудом медленно выполз еще один американец. Шаллер посмотрел на его погоны. Ого! Целый майор! Видно, морпехи только что выехали из Северных ворот авиабазы, да очень неудачно встретились с соседкой. Между тем майор, сильно хромая и промокая какой-то тряпкой разбитую бровь, подошел к Андреасу и на неплохом немецком языке сказал, показывая рукой на БМВ:

– Это ваш автомобиль? Вы хозяин?

Андреас машинально кивнул. Майор мельком взглянул на чернокожего сержанта, требовательно протянул руку вперед:

– Я реквизирую ваш автомобиль для нужд американской армии. Прошу отдать мне ключи.

Между майором и сержантом ловко вклинилась Марта:

– Что здесь происходит? Нужно немедленно вызвать полицию и карету «Скорой помощи»!

Майор скривился:

– Я уже всех вызвал, мэм. Через пару минут они будут здесь. А сейчас я вынужден конфисковать вашу машину. Отдайте ключи. Правительство Соединенных Штатов позже выплатит вам компенсацию.

Сержант за спиной Марты сердито засопел и демонстративно поправил винтовку, висящую у него на плече.

Марта повернулась к мужу и спокойно сказала:

– Дорогой, отдай герру майору ключи от машины.

Андреас с непониманием уставился на жену:

– Но они же у тебя! Как же я...

Марта, словно испытывая сильнейшую досаду за свою забывчивость, хлопнула ладонью себе по лбу, резко повернулась к сержанту, с разворота ударила его ребром ладони в кадык и тут же со всей силы засадила локтем в висок майору. На дорогу два тела упали почти бесшумно. Лишь глухо лязгнул об асфальт приклад винтовки.

Марта подошла к мужу, пристально посмотрела ему в гла-

за:

– Андре, Селма мертва. Если мы проторчим здесь еще пару минут – будем мертвы и мы.

– Но почему? Что происходит?

Марта запрыгнула на водительское сиденье, завела мотор.

– Садись в машину, только подбери винтовку и не забудь наши сумки, – и после секундной паузы добавила: – На базе что-то происходит с ядерными зарядами. И это «что-то» весьма паршивое.

Через минуту белый «БМВ» резво катил по узким улочкам Рамштайна, Марта изредка притормаживала, давая вырुлить из своих дворов автомобилям других жителей поселка.

Как только «БМВ» миновал окраину поселка и свернул на автобан, ведущий к Кайзерслаутерну, на территории базы сперва гроыхнуло два раза, а потом взрывы слились в непрерывный оглушительный гул. С запада, со стороны Люксембурга, на малой высоте почти прямо над «БМВ» Шаллеров с каким-то непонятным звуком начали проноситься двойками и тройками незнакомые самолеты. Из леса, за восточной окраиной Рамштайна, вверх потянулись белые стрелы ракет ПВО. На самом деле комплекс противовоздушной обороны авиабазы Рамштайн начал работать гораздо раньше, просто супруги Шаллер этого видеть не могли. Не видели они и того, как неизвестные самолеты, понеся чисто символические потери, за три минуты уничтожили

практически всю систему ПВО базы. Потому что операторы увидели самолеты противника на экранах радаров лишь за три-четыре секунды до смерти. После подавления ПВО более сотни неизвестно откуда взявшихся самолетов обрушили на авиабазу мощнейший ракетно-бомбовый удар. Казармы, подземные ангары, хранилища топлива, диспетчерские вышки превратились в пылающие руины. В считанные минуты погибли десятки тысяч людей – солдаты, инженеры и техники, вольнонаемные гражданские, обслуживавшие базу. Но ни одна ракета, ни одна бомба не упала на многочисленные взлетно-посадочные полосы. Навстречу неопознанным самолетам успели взлететь два дежурных звена F-16 и звено F-22. В завязавшемся скоротечном бою все шесть американских самолетов были сбиты, но они смогли воткнуть в немецкую землю четыре летательных аппарата противника. База ВВС США «Рамштайн» перестала существовать.

Марта гнала машину по автобану со скоростью более ста сорока километров час. Встречного движения со стороны Кайзерслаутерна не было. Впереди Андреас видел только новенький серебристый «Фольксваген», принадлежащий хозяину крошечного кафе, стоявшего на центральной площади посёлка. Остальные автомобили, даже выехавшие раньше из Рамштайна, Марта давно уже обошла.

Сзади чудовищно грохотало, высоко в небо вздымались гигантские снопы пламени и огромные клубы густого, черного дыма. Слева и справа от дороги на небольшой высоте

пролетали самолеты с совершенно неизвестными Андреасу силуэтами. Они лихо разворачивались и уходили с набором высоты в сторону пылающей авиабазы. Андреас обернулся и несколько секунд внимательно рассматривал бушующий за поселком ад.

– Что там? – спросила жена.

– Американцев больше нет, тебе придется подыскивать другую работу, а нам – новый дом, – печально ответил Шаллер, снова посмотрел назад и после небольшой паузы добавил. – Поселок наш горит. И горит сильно.

Марта ничего не ответила, лишь с силой закусил нижнюю губу. Андреас с нежностью посмотрел на жену, захотел погладить её по щеке, но не успел.

Впереди на дороге полыхнуло, раздались оглушающие взрывы, машину ощутимо потрянуло. Марта громко вскрикнула и изо всех сил ударила по педали тормоза. Несмотря на все системы защиты автомобиля, «БВМ» пошел юзом и остановился, несильно ударившись правой стороной кузова об отбойник. По лобовому стеклу и крыше забарабанили мелкие камни. Метрах в трёхстах перед автомобилем дорога совершенно скрылась за столбами пыли. Там впереди что-то снова взорвалось. Из клубов пыли задним ходом выскочил «Фольксваген» и тормознул рядом с машиной Шаллеров. Водительская дверь резко распахнулась, из салона пулей вылетел хорошо знакомый Андреасу хозяин кафешки герр Мартин Дреер.

Марта больно толкнула Шаллера в плечо:

– Выметаемся из машины, Андре! Берем сумки и чешем в лес. Винтовку не забудь! Давай шевелись!

Андреас лихорадочно вытащил из багажника внушительный баул, помог Марте повесить ей на плечо вторую сумку. К Шаллерам подбежал герр Дреер с такой же сумкой на плече:

– Вы куда? Что теперь? Впереди дороги нет!

За спиной Дреера маячил уборщик из его кафе, турок Озан, и незнакомый Андреасу, крепко сбитый мужчина лет сорока в поразившей Шаллера нелепой майке с надписью на английском: «Рамштайн навсегда».

Марта оценивающе посмотрела на незнакомца, перевела взгляд на Дреера:

– Первым делом убираемся отсюда! В лесу поговорим. Герр Дреер, ты идешь?

Хозяин кафе усиленно закивал:

– Да, иду.

– А это кто с тобой? – перелезая через невысокий дорожный отбойник, спросила жена.

– Ну, Озана ты знаешь, а этот мужчина, – Дреер показал рукой на здоровяка, – просто посетитель. Когда началось, он в кафе у меня завтракал. По-немецки очень прилично разговаривает. Акцент есть, конечно, но не сильный. На туриста похож.

Пятеро людей бежали со всех ног к лесу, зеленым валом стоявшему метрах в ста от дороги. В небе раздалось совер-

шенно непривычное жужжание двигателей. Андреас на бегу вскинул голову. Несколько больших, ширококрылых самолетов шли друг за другом, примерно на километровой высоте. А еще через мгновение Андреас увидел, как от толстых, смешных фюзеляжей отделяются многочисленные черные точки. Спустя несколько секунд небо над головой Шаллера было усыпано белоснежными куполами парашютов. Герр Дреер, проломившись сквозь жидкие кусты, первым вбежал в лес. За ним, тяжело дыша, ввалился тучный турок, и лишь за ним заскочили остальные. Озан остановился, утирая обильно выступивший на лице пот, присел на пенек и обхватил голову руками:

– Уф... Слава Аллаху, добежали!

Марта неодобрительно посмотрела на потного толстяка:

– Озан, вставай. Мы еще никуда не добежали. Надо идти дальше в лес! Здесь оставаться нельзя!

Уборщик жалобно застонал:

– Дайте хоть минутку передохнуть. Да и обсудить многое надо...

– Хватит ныть, – перебил Озана Дреер. – Вперед! Подальше в чащу заберемся, тогда и передохнем.

Минут десять группа, несмотря на непрерывное нытьё Озана, быстрым шагом углублялась в лес. Кроны деревьев над головой сильно приглушали звуки. Но все равно Андреас отчетливо слышал, как в небе проносились невидимые самолеты.

Шедший впереди Дреер внезапно остановился и поднял руку:

– Все. Привал. Надо распаковать сумки, – Дреер ткнул пальцем в сторону. – Вот под этим деревом.

Андреас сбросил свою сумку в указанном месте, быстро раскрыл её. Рядом с мужем пристроилась Марта со своей поклажей. Турок сел на землю, привалившись спиной к старому дубу. Озан вытащил из кармана рубашки телефон, лихо-радочно начал кому-то названивать.

Шаллер достал из объемного баула потертую пятнистую униформу, разношенные высокие армейские ботинки. Стянул с себя одежду и быстро переоделся в камуфляж. Крепко зашнуровал ботинки.

– Марта, ну как?

Фрау Шаллер окинула супруга критическим взглядом:

– Все в порядке, Андре. А сейчас проверь, что с фоном.

Сама Марта к этому времени также успела полностью переодеться, только форма у неё была поновее, и вместо ботинок она была обута в темные кроссовки на толстой подошве. Андреас кивнул, вытащил из баула дозиметр, включил и через полминуты радостно сообщил:

– Радиации нет! Фон естественный!

Марта облегченно улыбнулась:

– Честно говоря, я и не надеялась. Думала, нам осталось совсем чуть-чуть. Значит, еще не время. Андре, отойди на пятьдесят метров на восток.

Шаллер кивнул, поправил висящую на груди «М16» и скрылся между деревьев. Все это время незнакомец в дурацкой майке неподвижно стоял возле Шаллеров и лишь непонимающе пялился на происходящее. Марта нацепила на голову зеленую бейсболку, повесила на ремень кобуру с пистолетом. Достала из сумки помповое ружье и обратилась к иностранцу:

– Ты кто такой?

Мужчина растерянно развел руки в стороны:

– В двух словах не объяснить.

Марта отточенными движениями начала забивать патроны в подствольный магазин.

– А ты попробуй, может, получится.

– Ну, в общем, я по делам в Германию приехал. Четыре дня болтаюсь во Франкфурте-на-Майне. Оборудование мы у вас закупаем для трубопрокатного завода. Как технический специалист я вхожу в состав делегации.

К Марте подошел Дреер, он также переоделся в «милитари», но, в отличие от четы Шаллеров, Мартин был упакован в американский песчаный камуфляж времен второй иракской кампании. На плече у него стволом вниз висел охотничий карабин, подозрительно похожий на «Маузер КАР98». Дреер стал за спиной незнакомца и внимательно прислушивался к разговору.

Марта закончила заряжать дробовик:

– Что молчишь? Продолжай.

Мужчина тяжело вздохнул, провел рукой по лбу:

– Сегодня у нас выходной, и я попросил немецких партнеров показать мне провинциальную Германию. Признаюсь, что в молодости я был ярым фанатом «Рамштайна», ну и ради прикола решил приехать в ваш поселок на экскурсию.

– А как в одной машине с герром Дреером оказался? И где твой автомобиль?

– Как оказался? Да очень просто. Зашел в кафе перекусить, а минут через десять и началось, – мужчина неожиданно улыбнулся. – Все побежали, и я побежал. А водитель моего автомобиля, пока я подкреплялся, поехал на заправку.

Дреер вмешался в разговор:

– Как тебя зовут? Откуда ты?

Из леса раздался испуганный крик Андреаса.

Марта молниеносно развернулась, не разбирая дороги ринулась на крик. Дреер чуть замешкался, стягивая карабин с плеча, пригнулся и бросился в лес, держась в десяти метрах левее Марты. Впереди снова крикнул Шаллер. Но на этот раз его голос был гораздо спокойнее:

– Все в порядке, я здесь!

Зашуршали ветки кустов, и из них вышел Андреас. Левую руку он прижимал к кровоточащему носу, а правой размахивал над головой.

– Дорогая, у тебя есть платок? Кровь сильно идет.

Марта буквально зашипела:

– Кто... что случилось? – Фрау Шаллер подскочила к му-

жу, отняла его руку от лица, внимательно осмотрела разбитый нос. – Андре! Ты что, об дерево ударился? Напугал до смерти. Ладно, выкладывай, что тут у тебя произошло.

Андреас принял заботливо поданный женой пакет одноразовых салфеток и понуро сказал:

– Извини, дорогая. Я как всегда влип в дурацкую историю. Герр Дреер удивленно вскинул брови:

– Подрался с кустами?

– Да. Только не с кустами, а с Озаном...

– Что? – одновременно воскликнули Марта и Дреер.

– Я за деревом спрятался, лес слушал. Вижу, ветки сзади затряслись, ну и показывается Озан. Спрашиваю его: «Ты куда идешь?» Он сперва дернулся, но, увидев меня, нагло так говорит: «Куда надо, туда и иду! Это не моя война, не моя страна и не моя вера. Сами разбирайтесь».

Андреас опустил взгляд вниз:

– Ну я и вспылел. Сказал Озану... в общем, нетолерантно сказал. Очень не толерантно. А он мне в лицо со всего маху кулаком засадил. Я не ожидал... Но автомат не бросил.

Марта пригладила мужу взъерошенные волосы на затылке, чмокнула в щёку:

– Ничего. В следующий раз будешь готов.

Дреер сокрушенно покачал головой:

– Кто бы мог подумать! Озан... Это так на него не похоже, – Мартин тяжело вздохнул и погрузился в какие-то свои, явно невеселые мысли.

Марта еще раз окинула взглядом боевые раны супруга, удовлетворенно покачала головой и твердо сказала, смотря прямо в глаза Дрееру:

– Что стоим? Возвращаемся к сумкам. Там же турист один остался. Кстати, может быть, он тоже сбежал.

Турист не сбежал. Он, нервно переминаясь с ноги на ногу, топтался возле раскрытых баулов, явно пытаясь дозвониться кому-то с мобильного телефона. Судя по недовольной жестикуляции – безуспешно.

Увидев подошедших к нему людей, незнакомец широко развел руки в стороны:

– Связи нет. Радиостанции почти никакие не работают. Я только смог на короткое время поймать одну волну...

Андреас нетерпеливо перебил собеседника:

– И что? Что сказали?

– Сказали, база ВВС полностью уничтожена, Кайзерслаутерн подвергся сильной бомбежке. Множество погибших. Война началась, война...

Марта очень тихо спросила:

– Какая война? С кем? Это же невозможно! Это бред!

– Не знаю. Передача сразу оборвалась. Я сам ничего не понимаю. Кто разбомбил базу и сбросил десант? Не французы же! Хотя от их границы до вас совсем недалеко.

Совершенно бледный Андреас пошатнулся:

– Это безумие. Это не может быть правдой. Нам воевать не с кем! На нас никто напасть не может!

Дреер резко мотнул головой:

– Ну если рассуждать теоретически, то есть кому на нас напасть.

Андреас удивленно спросил:

– И кто же это? Иран? Северная Корея?

– Какой к черту Иран! Только русские могли бы это сделать, – Дреер показал себе за спину, где продолжали глухо гроыхать взрывы и всюду полыхал поселок. – Могли бы. Если бы Рамштайн стоял в тридцати километрах от Калининграда, а не от французской границы. Может, и правда лягушатники из-за кризиса с ума сошли?

Марта, до этого момента не вступавшая в мужской разговор, внезапно спросила у туриста:

– Так как тебя зовут? И откуда приехал?

Турист растерянно улыбнулся:

– Меня зовут Дмитрий Смирнов. И я из России.

Трое немцев замерли. Марта медленно подняла дробовик. Ствол оружия покачался из стороны в сторону и замер точно напротив сердца Дмитрия. Лоб у него мгновенно покрылся испариной:

– Да вы что, господа! Что вы здесь напридумали! Во-первых, нападение моей страны на вашу – это даже не фантастика, а бред сумасшедшего! Во-вторых, я действительно приехал в Германию по делам! Вот мой паспорт, там и виза шенгенская есть! – Дмитрий осторожно полез в задний карман брюк, достал документ и плавно протянул его Марте.

Ствол дробовика дрогнул и немного опустился.

– Дреер! Возьми паспорт, посмотри.

Мартин с посуровевшим лицом зашуршал страницами, внимательно посмотрел на фотографию.

– Документ вроде настоящий! – Дреер неожиданно резко махнул рукой. – Да какая к черту разница, настоящий он или нет! Все равно не поймем. Что мы тут из себя строим контрразведку! Что хотим выяснить?

Марта опустила помповик, её лицо смягчилось:

– Действительно, как-то это все чересчур. Надо сначала разузнать обстановку, а то мы как слепые котята. Дмитрий, что ты собираешься делать?

Русский с явно выраженной радостью на лице быстро спрятал паспорт в карман. Глубоко вздохнул и, сильно волнуясь, отчего его акцент стал более заметен, произнес:

– Что делать? Совершенно не представляю. Знакомые у меня есть только во Франкфурте, там же и наше консульство находится.

Дмитрий замолчал. Немцы отошли в сторону, о чем-то коротко переговорили.

Марта с лихо закинутым на плечо помповым ружьем вплотную подошла к Смирнову, по пути ткнув носком кроссовки ближайший баул:

– У тебя есть два варианта. Ты берешь эту сумку и тащишь её на горбу или разворачиваешься и идешь своей дорогой. В первом случае тебе придется подчиняться нашим командам.

Смирнов облегченно улыбнулся и взялся за лямки сумки. Группа резво двигалась по лесу. Впереди, изредка поглядывая на наручный компас, шагал Дреер с винтовкой наперевес. За ним, подгоняемые сзади окриками Марты, плелись нагруженные всеми сумками Смирнов и Шаллер.

Дмитрий хоть и пригибался под тяжестью поклажи, но, благодаря регулярным занятиям фитнесом у себя дома, шел ровно, без одышки. Даже завел разговор с соседом.

– Андреас, я вот не пойму, кто вы такие. Как получилось, что бахнуло – и вы буквально через минуту дергаете из поселка с оружием и сумками, полными всякого военного барахла?

Герр Шаллер, бросив быстрый взгляд на Смирнова, важно ответил:

– Мы из Рамштайна.

– Да хоть из Кронштадта! – поправляя въевшиеся в плечи лямки, протянул русский. – Как получилось, что вы полностью готовы оказались? Вы знали, что сегодня случится?

– Нет, не знали. Просто уже много десятилетий жители Рамштайна живут рядом с крупнейшей в Германии авиабазой. К тому же там хранятся ядерные заряды. В случае войны нас первых должны накрыть. Собственно, и накрыли. Хорошо, что не ядерной бомбой.

– А сумки что, уже собранные были?

– Они всегда собраны. Раз в полгода я меняю в них запас продуктов, батарейки. Так что мы готовы всегда. Я сам

не местный, после свадьбы в посёлок переехал, – Андреас усмехнулся. – Марта быстро мне местные порядки объяснила. У них уже давно в Рамштайне так заведено. Раньше, когда с СССР холодная война была, так сумки не в подвале стояли, а прямо в прихожих.

– Понятно. Надо же. А кто у вас командир? В смысле, не у вас, а у нас?

Шаллер неопределенно покачал головой.

– Да пока точно не определились. И Марта, и герр Дреер оба служили в Бундесвере. Оба резервисты. У Дреера вроде и звание повыше, чем у жены, но попробуй Марте слово поперек скажи... Думаю, герр Смирнофф, к обеду этот вопрос окончательно прояснится.

– А у тебя какое звание, Андреас?

– Я не служил. А ты?

– Я служил. В пехоте, правда давно это было, еще при Советском Союзе...

Некоторое время шли молча. Впереди идущий Дреер остановился, направил ствол винтовки куда-то в крону раскидистого дерева.

– Черт! Это же парашют!

Дмитрий посмотрел вверх. Метрах в семи над землей висел, прочно запутавшись в ветках, ослепительно белый купол парашюта. Стропы были срезаны и валялись прямо под деревом. Небольшой куст, росший в двух метрах от дерева, прямо под слабо покачивающимся на ветру куполом, был

сильно смят, обломанные ветки торчали во все стороны.

Подскочившая Марта начала деятельно распоряжаться:

– Андре, прикрой фланг. Да куда с сумкой поперся! Оставь её здесь. Герр Смирнофф, ты тоже сумки сбрось. Присядь, отдохни немного.

Герр Дреер обошел вокруг дерева, внимательно осмотрел обрывки строп и помятый куст.

– Марта, такое впечатление, что десантник, запутавшись в ветках, просто обрезал стропы и упал на землю, вернее на куст.

– Но этот куст никак не мог смягчить падение. Парашютист должен был как минимум сломать себе ноги. А по-хорошему – так и разбиться насмерть.

Мартин взял винтовку поудобнее.

– Он не мог далеко уйти. Скорее всего, он где-то совсем рядом, – Дреер наклонился к уху Марты, шепотом спросил: – Ты за русским приглядываешь?

– Да, все в порядке. Ты иди поищи «летуна», только осторожно. Я здесь побуду.

Дреер кивнул и бесшумно исчез в зарослях.

Марта подняла кусок стропы. Странно! Вместо привычной витой веревки она увидела, что стропа полностью изготовлена из какого-то мягкого материала, похожего на пластик. Что за ерунда! Новые технологии? А где, кстати, подвесная система парашюта? Надо найти и посмотреть. Многие вопросы тогда отпадут.

В глубине леса глухо бахнул выстрел, за ним второй. Из ближайших кустов высунулся встревоженный Шаллер.

– Там стреляют! Что делаем?

– Дорогой, я слышу. Спрячься пока за дерево. Держи сектор, как я тебя на страйкболе учила.

Сзади, как всегда бесшумно, подошел Дреер, быстро огляделся вокруг, сказал взволнованным голосом:

– Я ничего не нашел. Похоже, парашютист обошелся без повреждений. Хотя это совершенно невероятно. Что делать будем?

– Надо взять правее. Обойдем этого стрелка, связываться очень не хочется. Я думаю, его случайно в лес занесло. Может, не справился сразу с парашютом, может, еще что. Не думаю, что десантников здесь много приземлилось, скорее всего это одиночка. Мы должны проскочить...

Совсем рядом грохнул выстрел, тут же звонко лупанула очередь из «M16», раздался дикий, надрывный крик. Марта, пригнувшись, стремглав бросилась вперед, проскочила сквозь невысокий кустарник. Между стволами деревьев шустро мелькала невысокая темно-зеленая фигура. Андреас, стоя на колене за деревом, саданул по ней длинной очередью.

«Жив, он жив», – подумала Марта, со всего маху падая на землю, но тут же её внимание переключилось на происходящее впереди. Оттуда снова бахнул выстрел, пуля попала в дерево, за которым прятался Шаллер. Густо посыпались

щепки, словно не пуля попала в дерево, а по меньшей мере заряд из подствольного гранатомёта.

Справа часто защелкал карабин Дреера, темная фигура ринулась влево, Марта, выставив перед собой дробовик, кинулась наперерез врагу. Автомат Андреаса снова коротко рывкнул. Темно-зеленый развернулся в сторону Шаллера, встал за дерево, приложил приклад к плечу.

Марта обежала его и практически в упор выстрелила незнакомцу в спину. Потом еще раз и еще. Противник выронил из рук оружие и упал на землю.

Тяжело дыша, сзади подбежали Андреас с Дреером.

Дреер наклонился и резко перевернул лежащего врага.

– Это что за дерьмо? – совершенно спокойным голосом спросила Марта.

Мартин опустился на колено, протянул руки к лицу убитого:

– Черт его знает, похоже, он в обезьяней маске. Сейчас я посмотрю. Проклятье! Это не маска, это у него рожа такая! – потрясенно пробормотал Дреер.

Андреас впервые в жизни не поверил своим глазам. Лежащий на земле мертвый десантник не был человеком. Шаллер впился взглядом в лежащее под ногами тело. Коренастое, с непропорционально длинными руками, короткими мускулистыми ногами. А лицо... Это нельзя было назвать лицом – у мертвого десантника была именно морда, волосатая обезьянья морда. Это был кто угодно, но не человек.

Дреер подобрал оружие врага, повертел в руках:

– Мутант какой-то, как из компьютерной игры или фантастического фильма. Увидел бы в магазине на полке с детскими игрушками, особо и не удивился. Ну разве что размеру.

Шаллер согласно закивал:

– Ага. Очень похоже. Кстати, и сам этот... на мутанта похож. На радиоактивного.

Марта вскинула голову, толкнула мужа в бок:

– Кстати, насчет радиоактивности. Тащи дозиметр. И приведи сюда русского. Может, он что-то знает?

Андреас кинулся назад и быстро вернулся с Дмитрием. Тот, увидев, что все живы, широко улыбнулся и радостно помахал рукой. Шаллер провел дозиметром вдоль тела десантника.

– Превышение естественного фона на тридцать пять микрорентген!

Марта носком кроссовки зло пнула труп, под которым уже натекла изрядная лужа крови.

– Ну это вполне терпимо. Герр Смирнофф, ты видел что-либо подобное?

У русского моментально изменилось выражение лица.

– Э... это вы его?

– Нет, не мы! – раздраженно ответила Марта и снова ткнула убитого ногой. – Эльфы лесные завалили.

Дреер вмешался в разговор:

– Мы еле-еле втроем его успокоили. Уж очень прыткий

оказался.

Дмитрий обошел убитого десантника, внимательно его рассматривая.

– Господа, а почему вы всё время называете э-э-э убитого «он»?

– А как называть?

– Как называть, не знаю. Никогда ничего подобного в жизни не видел. Но это не «он», а она.

Марта удивленно вскинула брови:

– Почему «она»? Откуда!

Смирнов несколько смущенным тоном начал объяснять:

– Ну, не знаю. Мне как-то сразу в глаза бросилось. Вот смотрите, видите, бедра какие широкие, ну и грудь выпирает...

Марта ошеломленно закивала:

– Точно! Теперь и я вижу: это женщина! Впрочем, нам от этого не легче, – Марта замолчала, явно о чем-то напряженно размышляя. – Значит так. Дмитрий, камера на телефоне у тебя хорошая?

– Обижаете, фрау! У меня «Айфон», как у нашего Президента!

– Отлично! Начинай съемку. Десантницу эту сними со всех сторон. Лицо крупным планом. Андре! Тащи сумки, уходим.

Дреер, усмехнувшись, мягко обратился к Марте:

– Фрау Шаллер, мне рассказывали, что ты настоящий ун-

тер-офицер, но я особо не верил. Теперь вижу – зря не верил. Впрочем, пока мы отсюда не выберемся, я проблем создавать не буду. Только...

– Что только? – резко бросила Марта.

– Только ты забыла дробовик перезарядить, – Дреер хлопнул ладонью по прикладу винтовки. – Я свой карабин уже. И еще. Куда ты собираешься уходить?

Марта яростно сжала зубы, начала лихорадочно вытаскивать патроны из патронташа:

– Спасибо, герр Дреер, за подсказку. А уходить... Предлагаю идти в наш сборный пункт резервистов.

– В Эльмштайн?

– Да. Пойдем лесами.

– Это понятно, Марта. До Эльмштайма двадцать шесть километров по прямой. Андреас дойдет?

– Дойдет. Я же не зря его в спортзале гоняла.

– А русский?

– Должен дойти. Крепкий парень вроде.

– Хорошо, я согласен. Нужно взять оружие этой бабы, да и вообще снять всю амуницию. Я у неё одних подсумков на поясе двенадцать штук насчитал. Кстати, похоже, подсумки минимум под три разных вида боеприпасов.

– Всё, что можем, с собой возьмём. Пусть наши посмотрят...

Через десять минут Смирнов с пистолетом на поясе и герр Шаллер, нагруженные тяжелыми сумками со снятым с тру-

па снаряжением, стояли перед Дреером. Тот важно прохаживался слева направо, словно перед ним стояли не два человека, а как минимум рота, а то и батальон.

– Так вы всё поняли?

– Приказ понятен.

– Tak totschno! Ой! Прошу прощения! Приказ понятен.

Дреер кивнул. Из кустов выскочила встрепанная Марта, обратилась к Дрееру:

– Всё готово?

– Да.

– Вопросы есть? Смирнов поднял руку:

– Скажите, вот перед тем как бой начался, там в лесу кто-то кричал. Потом сразу выстрелы бахнули.

Герр Шаллер уткнул взгляд в землю, тихо сказал:

– Это был Озан. Он бежал к нам, а за ним несли этот... эта... в общем, она в него попала. Озана на две части разорвало...

Смирнов живо представил себе это действие в подробностях и содрогнулся.

– Еще вопросы есть?

– Нет.

– Тогда вперед!

*Поселок Эгерсоф. 11 июня
2011 года. 23 часа 18 минут*

В зале совещаний правительственного бункера с потолка лился мягкий желтый свет, из вентиляции нежно дул слегка ароматизированный воздух. В углах стояли громоздкие кадки с какими-то экзотическими растениями. По большому счету зал заседаний не сильно отличался от аналогичного зала в Бундестаге. Но в данный момент Федеральному Канцлеру Германии Ангеле Меркель воздух в бункере казался ужасно спертым, а интерьер отвратительным. Вдобавок ко всему Федеральному Канцлеру периодически казалось, что где-то высоко над помещением с глухим звуком взрываются бомбы и с потолка сыплется тонкой струйкой песок, гася тускло горящий фитиль в латунной гильзе от тридцатисемимиллиметрового орудия. Канцлер интенсивно потрясла головой, отгоняя непонятно откуда взявшиеся наваждения.

Раздался деликатный стук в дверь, в кабинет зашел личный секретарь:

– Госпожа Канцлер. Прибыли министры кабинета и представители оперативного командования Бундесвера.

Фрау Меркель помассировала ладонями виски, выпила глоток минеральной воды.

– Хорошо, Отто. Пусть заходят.

Первым в кабинет, как всегда бочком, прошмыгнул ми-

нистр иностранных дел, являвшийся также заместителем канцлера. За ним в некотором беспорядке зашли остальные министры и военные.

Пока все рассаживались по местам, Ангела с содроганием вспоминала чудовищное утро сегодняшнего дня и не менее чудовищный день. Такого ужаса она и представить себе не могла. И уж тем более не могла предположить, что этот ужас произойдет лично с ней и с её страной. Ну ничего. Первоначальная растерянность после шоковых донесений прошла, и Канцлер снова готова действовать. Фрау Меркель подняла голову, окинула взглядом присутствующих. Многие министры до сих пор пребывают в состоянии шока, а вот военные – молодцы. Лица хоть и угрюмые, но в глазах читается не овечья робость, а желание дать бой. Хорошо. Начну сперва с Гвидо, если что случится на фронте экстраординарное (хотя куда уж еще!), то ей немедленно сообщат. А прошлую сводку военных новостей она прочитала десять минут назад.

– Господин Вестервелле, связь с американцами восстановили?

Министр иностранных дел, суетливо открыв большую кожаную папку, начал доставать оттуда кипы листов.

– Госпожа Канцлер! Вы понимаете, попытки связаться с Вашингтоном предпринимаются постоянно. Но, увы, – Вестервелле беспомощно развел руки в стороны. – Совершенно безуспешно.

– С кем из иностранных государств вообще удалось на

данный момент наладить связь?

– Вы понимаете, госпожа Канцлер, тут такие обстоятельства! Эксперты говорят, что...

– Я не понимаю, почему вы, герр Вестервелле, не можете ответить на простой вопрос? Вы, наверно, не отдаёте себе отчета, что произошло с Германией этим утром!

Заместитель вжал голову в плечи:

– Прошу прощения, госпожа Канцлер. Я просто не могу поверить...

Канцлер поднялась со стула, гневно ударила кулаком по столу:

– Мы все не можем поверить! Все! Верим мы или нет в происходящее, народу Германии это сейчас всё равно! Народ ждет от нас действий, решительных действий! Поэтому мы все, не исключая вас, господин Вестервелле, сейчас будем просто выполнять свой долг перед страной! Всем понятно?

По залу совещаний пронесся еле слышный вздох. Никто никогда не видел столь сильно разгневанную госпожу Канцлер. И поведение, а главное, манера речи настолько были непривычны, что у некоторых присутствующих на совещании от страха встали волосы дыбом.

Военные же явно встrepенулись. Меркель заметила, как два инспектора родов войск одобpительно переглянулись между собой.

Госпожа Канцлер внутренне усмехнулась. Многие министры, да и не только они, пребывают в состоянии полной рас-

терянности. Собственно, сама Ангела еще утром металась по своему кабинету в правительственной резиденции, бешено пытаясь связаться с Вашингтоном. Получить указания, согласовать действия по пятой статье Устава НАТО. Но связи не было. В какой-то момент госпожа Канцлер даже расплакалась, заперевшись в личной комнате отдыха. Госпожа Меркель немного успокоилась лишь тогда, когда на стол канцлеру положили документ, который, согласно сто пятнадцатой статье Конституции Германии, наделял её полномочиями Главнокомандующего военного времени. Последующая за этим событием четко прописанная бюрократическая суета принесла небольшое успокоение.

Но как же сильно не хватало Канцлеру привычных инструкций из Вашингтона! А еще госпожу Канцлер до зубовного скрежета бесило то обстоятельство, что она оказалась фактически один на один с обрушившейся на Германию бедой. Все эти столь ранее словоохотливые партии и союзы с утра молчат, министры большей частью занимаются только тем, что вывозят свои семьи из Берлина. Министр иностранных дел Гвидо Вестервелле сегодня днем, прямо в присутствии Канцлера, неоднократно звонил своему мужу, спрашивал, как он устроился на новом месте. Впрочем, господина министра понять можно. Ведь его муж по-настоящему красивый мужчина...

Канцлер не собиралась, да и не могла в одиночку противостоять Вторжению. Час назад она приняла твердое реше-

ние: вместе с Правительством ответственность за принятие решений должны взять на себя и партии. А то, как защищать права зверей в зоопарках, так всякие Христианско-демократические союзы и прочие «Зеленые» находятся в самом центре внимания. Их лидеры не сходят с экранов телевизоров. Нет, она, Ангела, не допустит, что бы они взвалили тяжкий груз принятия решений исключительно на её плечи.

Канцлер после вспышки гнева опустилась в кресло. Она снова стала тем опытным политиком, умеющим умело лавировать между партиями и находить компромиссы с различными группами, зачастую имеющими крайне противоположные позиции.

Госпожа Меркель указала рукой на Гвидо:

– Продолжайте.

Почтенный заместитель несколько пришел в себя, снова вцепился в свои бумаги.

– Госпожа Канцлер! К сожалению, мы больше не можем связаться ни с одной страной на планете. Ученые выдвинули предположение, что связь полностью блокирует Барьер.

Меркель кивнула. Она уже ознакомилась ранее с этой информацией. Чёртов Барьер! Именно с него всё и началось. Одномоментно по всей границе страны, скрупулёзно соблюдая даже двенадцатимильную морскую зону, возникла белая энергетическая стена, непроницаемая для твердых тел, но свободно пропускающая жидкости и газы. Невозможно! Это противоречит законам природы! Именно так, причем в один

голос, утверждают наши учёные мужи. Канцлер снова усмехнулась. Как это на них похоже! Вся Германия оказалась скованной Барьером, вот он, рукой дотронься и пощупай, а они: «Это невозможно!» Вообще практически на всё, что случилось сегодня, все эксперты, аналитики и прочие бездельники отвечают одинаково: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда». Впрочем, министр образования и исследований обещала сейчас совместно с военными предоставить отличный от остальных доклад. Что-то Анnette успела накопать. Посмотрим, посмотрим.

Пока фрау Меркель предавалась размышлениям, министр иностранных дел продолжал доклад:

– ...так что связи с внешним миром мы не имеем. Связь же по стране пусть и с некоторыми нарушениями, но функционирует. Также полностью отсутствует контакт со спутниками. Из-за этого серьёзно нарушено телевизионное вещание. Но возможность трансляции на страну у нас имеется.

Канцлер взмахом руки прервала заместителя:

– С этим понятно. Сейчас слушаем доклад военных, после них выступает госпожа Шаван.

Из-за стола встали инспектора сухопутных войск и военно-воздушных сил, подошли к огромной карте Германии, висящей на стене. Пехотный генерал-инспектор Ренке, вооружившись световой указкой, начал докладывать напряженным голосом:

– Положение на данный момент следующее: противник

внезапным ударом уничтожил авиабазу в Рамштайне, где располагалась штаб-квартира ВВС США в Европе. На данном объекте находились двести пятнадцать ядерных боеприпасов различных типов. За несколько минут до атаки все ядерные объекты на территории авиабазы были накрыты силовыми куполами. Предположительно купола имеют такую же природу, как и Барьер. В настоящее время радиоактивного заражения не отмечается по всей территории страны.

Канцлер заметила, что это известие весьма приободрило большинство министров. Это хорошо. Сейчас мы их еще больше приободрим. Меркель обратилась ко второму инспектору.

– Господин Бихель, доложите, чем сейчас занимаются наши военно-воздушные силы?

Генерал-инспектор ВВС с готовностью отрапортовал:

– Все четыре авиадивизии прикрывают заданные районы. Берлин прикрывает первая авиадивизия. Сейчас они прямо над нами, – Бихель без излишних политесов ткнул в потолок пальцем.

Как и предполагала канцлер, министры восприняли это сообщение на ура.

А Гвидо Вестервелле даже откинулся на спинку кресла и облегченно начал обмахивать лицо рукой. Меркель обвела взглядом министров, всем своим видом показывая, что именно она обеспечила безопасность собравшимся.

– Понятно. Герр Бихель, продолжайте.

– После уничтожения Рамштайна противник попытался прорваться к столице силами до десяти воздушных судов, но был полностью уничтожен частями противовоздушной обороны сухопутных войск и ВВС. Обломки вражеских самолетов уже изучают наши специалисты.

– И какие результаты?

– Пока никаких, госпожа Канцлер.

– Хорошо. Теперь вернемся на сухопутный фронт.

Ангела про себя отметила, как удачно, к месту, она ввернула военный термин.

Генерал-инспектор Ренке снова заелозил указкой по карте.

– Противник создал стратегический плацдарм шириной по фронту триста шестьдесят восемь километров и глубиной от двадцати до пятидесяти километров.

Если темп наступления противника сохранится на этом же уровне, то в Берлине он окажется примерно через четырнадцать дней. В настоящий момент нами предпринимаются все меры по стабилизации линии фронта...

Канцлер медленно поднялась с кресла, подошла к генерал-инспектору.

– Герр Ренке, я уверена, что вы, как, впрочем, и я, читали мемуары генералов Рейха. И прекрасно отдаете отчет, чем закончилась в прошлый раз эта ваша «стабилизация». Я не хочу, не желаю выслушивать ваши обтекаемые доклады. Мне необходимо знать реальное положение вещей. Вы меня поняли?

Генерал-инспектор вытянулся по стойке «смирно»:
– Приказ понятен, госпожа Главнокомандующая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.